

Семь книг с двадцать второго по двадцать восьмой том входят в серию «Английский любовный роман»

<https://www.littres.ru/luttoli/> - страница со всеми книгами писателя Люттоли

<https://www.luttoli/> - личный сайт писателя Люттоли.

<https://www.bormotulka.ru> - сценарный сайт писателя Люттоли

<https://t.me/luttoli> - Телеграм писателя Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> - Facebook писателя Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> - Твиттер писателя Люттоли

<https://vk.com/lutoli> - Вконтакте писателя Люттоли

Для переводов писателю Люттоли

Номер банковской карты: **5486 7320 0090 8327**

Яндекс кошелёк: **41001851135760**

Сага о Башмачниках

Вступление

Октябрь 1851 года. Ливерпуль. Англия.

Печь весело потрескивала, наполняя маленькую комнатку приятным теплом. В детской кроватке посапывали два очаровательных мальчугана четырёх и пяти лет. Молодая женщина двадцати двух лет, обернутая в шаль, стояла у окна, обхватив плечи. Снаружи бушевал ураганный ветер. Его натиска не выдерживали даже ветви крупных деревьев. То и дело в комнату врвался приглушённый хруст, сопровождаемый отчётливым свистом.

- Где же ты, Джордж? - с беспокойством прошептала молодая женщина. Она подправила сползшее одеяло, а потом снова встала у окна и устремила взгляд на улицу.

Неожиданно дверь скрипнула. Сзади раздался отчётливый шорох. Женщина улыбнулась, подставляя себя рукам мужа. Он обнял её со спины, поцеловал в шею и с нежностью прошептал:

- Кэтрин! Любимая моя!

Она прижалась спиной к его груди и тихо спросила:

- Почему ты вернулся поздно, Джордж?

- У меня для тебя самая прекрасная новость, какую только можно себе представить. Сегодня вернулся наш корабль с первым грузом муслина из Ирака,

- радостно сообщил супруг. - Всё прошло самым лучшим образом. Часть товара уже распродана. Скоро мы разбогатеет и сможем купить большой дом.

- И разорвать отношения с Ратклиффом, - подхватила супруга, оборачиваясь к нему лицом.

- Опять ты за своё, - с досадой бросил супруг. - Я же просил не возвращаться к этому разговору. - Он снял пиджак, повесил на спинку стула и сел за стол, чтобы отдать должное остывшему ужину.

- Ратклифф меня пугает, Джордж, - Кэтрин села рядом с мужем и взяла его руку. - Он меня очень сильно пугает. Ты просто не замечаешь...

- Ратклифф прекрасно к нам относится, - оборвал её супруг.

- Он ненавидит вас с Джеком. Вы просто не замечаете. Вы с братом должны немедленно прекратить с ним всяческие отношения. Лизи думает точно так же. Джордж, - она бросила умоляющий взгляд на супруга, - вспомни, как хорошо мы жили вчетвером: ты, я, Джек и Лизи. Но после того как вы взяли в партнёры Ратклиффа, и компания «Братья Фелбс» превратилась в компанию «Братья Фелбс и Ратклифф», всё изменилось в худшую сторону.

- Что ты предлагаешь? Что? - гневно закричал супруг. - Вернуться нам в нищенскую жизнь? У нас двое детей. У Джека только неделю назад родилась дочь. Из-за ваших с Лизи глупых предрассудков мы должны лишить их будущего? Да, Ратклифф не особо дружелюбен, но у него есть имя и связи. Мы нуждаемся в нём.

- Джордж, вы с братом и без его помощи добились бы успеха. Он вам не нужен и никогда не был нужен. Ратклифф пользуется вашим трудом и строит против вас козни. Попомни мои слова: он обманет вас и оставит вообще ни с чем.

- С меня достаточно! Я больше не желаю слушать эти разговоры!

Он бросил ложку на стол, встал, разделся, лёг в постель и повернулся спиной к супруге. Она присела рядом с ним и дотронулась до плеча.

- Джордж! Не злись на меня. Пожалуйста. Обещаю, я больше ни одного слова не скажу про Ратклиффа.

Она звала его снова и снова, но супруг так и не счёл нужным ответить. Ей пришлось смириться. Она легла рядом с ним, но не стала прижиматься как обычно, а отвернулась. Они так и уснули, находясь в ссоре.

Около семи часов утра следующего дня в домах обоих братьев Фелбс одновременно раздался стук. Джеку Фелбсу сообщили, что загорелись склады с товаром, прибывшим из Ирака. Он поспешно покинул дом и поехал в порт.

В то же самое время Джордж Фелбс поспешно одевался. Незнакомый человек сообщил, что в доме брата случилась беда. Когда он уходил, жена и дети крепко спали. На улице его ждала карета, в которой находился Ратклифф.

- Что случилось? - встревоженно спросил Джордж Фелбс, опускаясь рядом с ним.

- Джек тяжело заболел, - в расстроенных чувствах сообщил Ратклифф. - Я отвёз к нему врача, но его состояние ухудшается с каждым часом.

- Едем! Немедленно! - вскричал Джордж Фелбс и, приподнявшись, резко застучал в спинку кареты.

Спустя четверть часа карета остановилась возле дома брата. Она подъехала к заднему входу, но опечаленный Джордж Фелбс не придавал этому значения. Он ворвался в дом, бегом поднялся по лестнице и рванул на себя дверь. Его удивлённому взгляду предстала жена брата, Лизи. Она сидела на постели и кормила грудью новорождённую девочку.

- А где...Джек? - только и успел спросить Джордж Фелбс. Сзади раздался выстрел. Пронзённый пулей, он упал на пол. Лизи Фелбс успела лишь закричать: Джордж!

Ратклифф подскочил к ней и воткнул в шею нож. Захлёбываясь и глотая воздух, как рыба на суше, она выпустила из рук ребёнка и начала валиться на бок, забрызгивая всё вокруг своей кровью.

Ратклифф осторожно подхватил девочку и уложил её в кроватку. Потом вернулся и оголил мёртвого Джорджа до пояса. После Джорджа он взялся за Лизи. Она билась в предсмертных конвульсиях, когда он начал снимать ночную рубашку. Спустя несколько минут, он удалился, оставив нож торчать в её шее. Спустя два часа соседи услышали дикие крики и вызвали полицию. Полиция обнаружила в доме два мёртвых тела, плачущего ребёнка и рыдающего над телом супруги Джека Фелбса.

Джека Фелбса обвинили в убийстве супруги и собственного брата. По мнению обвинения, брат обвиняемого и супруга состояли в любовной связи. Он застал их вместе, поэтому и убил. Джека Фелбса признали виновным и приговорили к смертной казни. Заботы о его новорождённой дочери взял на себя мистер Ратклифф. И тому имелись веские причины. Покойная Лизи Фелбс доводилась родной сестрой его супруге, миссис Ратклифф.

Месяц спустя в одной из маленьких деревень поблизости от Ливерпуля появилась чёрная карета с крытым верхом. Она остановилась у невзрачного дома. Из кареты вышел пожилой мужчина. Он некоторое время оглядывался по сторонам и только потом решился войти в дом.

Его встретила Кэтрин Фелбс. Она держала за руки своих сыновей, Карла и Лемана. Вокруг них на полу стояли сумки, чемоданы и один саквояж.

– Отец! – только и сказала Кэтрин Фелбс при виде пожилого мужчину.

– Джека вчера повесили! – тяжёлым голосом сообщил он.

– Это всё дело рук Ратклиффа! – с открытой ненавистью вскричала Кэтрин. – Он всё подстроил. Джордж никогда бы не прикоснулся к Лизи.

– Думай о себе, Кэтрин, – попросил отец. – Пока я находился у вас дома, туда трижды приходили. Под окнами всё время крутятся странные люди. Тебя с детьми ищут. И это очень опасно. Этот Ратклифф прибирает к рукам дела Джека и Джорджа. Ты для него угроза. Я ни чем не смогу помочь, поэтому вы должны покинуть Англию. Немедленно.

– Я ни за что на свете не согласилась бы остаться рядом с этим страшным человеком.

– Держи! – отец протянул ей перевязанный пакет. – Здесь билеты на судно до Нового Орлеана. Оно отплывает рано утром. Отправляйся прямо сейчас, закройся с сыновьями и не выходи, пока судно не выйдет в открытый океан. Здесь ещё сто восемьдесят фунтов. Это все деньги, которые мне удалось раздобыть. На первое время хватит. Уезжай из Англии и больше никогда не возвращайся. Времени почти не оставалось, поэтому они решили не тянуть, и сразу стали выносить вещи. Мальчики помогали, как могли.

Отец помог дочери с внуками устроиться в карете, сам отвёз их в порт и посадил на корабль. До утра он почти неотлучно находился возле трапа и следил за всеми, кто поднимался на корабль. Ему удалось облегчённо вздохнуть лишь, когда судно отчалило от берега.

Шестнадцать лет спустя. Сентябрь 1867 года. Новый Орлеан.

Анна Бишоп стояла у раскрытого окна своего ранчо и смотрела, как её сыновья, Карл и Леман скакали по кругу верхом на лошадях. Сейчас никто бы не узнал в этой подтянутой женщине с серьёзным лицом и серебристыми висками ту нежную девушку, которая много лет назад вынуждена была бежать из Англии. Судьба сполна наградила её после того, как лишила супруга и дома. Здесь, в Новом Орлеане, она встретила богатого плантатора, немца по происхождению. Он с трогательным участием отнёсся к ней и обоим сыновьям. Поэтому, когда поступило ожидаемое предложение, она приняла его, несмотря на преклонный возраст будущего супруга. За те двенадцать лет, что они провели вместе, Кэтрин, вернее уже Анна Бишоп, ни разу не пожалела о своём выборе. Покойный супруг не имел собственных детей, поэтому всю свою заботу отдал Леману и Карлу. Он любил их как родной отец. Два года назад они вместе похоронили

этого прекрасного человека. Он умер, оставив ей крупное состояние, исчислявшееся несколькими миллионами долларов. Она стала богатой вдовой, на которую зарились многие холостяки. Но Анна Бишоп с лёгкостью отвергала любое внимание, давая всем понять, что не собирается снова выходить замуж. Единственный мужчина, который её интересовал, был Ратклифф. Лишь присутствие супруга удерживало Анну Бишоп от возвращения в Англию. Но как только его не стало, она немедленно, и в полной тайне, начала готовиться к отъезду. Одновременно, и столь же незаметно, она выясняла всё, что касалось самого Ратклиффа, его семьи и финансового состояния. Ненависть к нему за долгие годы расцвела, пустив глубокие корни. И теперь она собиралась нанести смертельный удар по своему врагу. Именно с этой целью шесть месяцев назад она отправила в Англию Мерка Вебера, который долгие годы вёл дела супруга, и был не только предан ей, но и обладал весьма незаурядным умом. Ему надлежало выяснить всё, что только возможно о жизни Ратклиффа.

Вчера Вебер вернулся из Англии, и с минуты на минуту должен был явиться к ней. Анна Бишоп ожидала его с нетерпением. Ибо от его доклада зависели все дальнейшие действия.

Вебер явился, когда у неё уже заканчивалось терпение. Он поклонился, а затем по очереди поцеловал обе протянутые руки. Анна Бишоп сразу пригласила его за стол. Как только они сели, она попросила его рассказать о результатах своего пребывания в Англии.

- Его давно уже нет в Ливерпуле, - этими словами начал свой доклад Вебер, - он перебрался в Лондон, в район Вест-Энда, и живёт в роскошном особняке с супругой и двумя дочерьми. Вернее, только одной. Вторая...

- А Китти? - взволнованно перебила его Анна Бишоп. - Она разве не с ним? Ей не терпелось узнать судьбу дочери Джека и Лизи. Последний раз она видела её в возрасте трёх месяцев от роду.

- Вероятно, вы имеете в виду Китти Фелбс? - уточнил Вебер.

Анна Бишоп кивнула.

- Племянница леди Ратклифф?

Анна Бишоп снова кивнула.

- Она учится в колледже под названием «Whiteland», вместе с младшей дочерью сэра Ратклиффа.

- Так этого негодяя величают «сэр»?

- Да! Именно так к нему все обращаются!

- Значит, Китти с ним?

- Да. Они с супругой опекают её. Но отношение к ней далеко не такое же, как к дочерям.

- И почему же?

- Мисс Фелбс весьма своеобразна.

- Что это значит?

- К ней много нареканий. Она ведёт себя вызывающе и даже дерзко. В колледже недовольны её поведением.

- Вы видели Китти?

- И не раз. Я бывал в колледже, беседовал с преподавателями под предлогом будущих пожертвований, и неплохо знаком с положением дел.

- Ей должно быть уже семнадцать лет. Какая она из себя?

Вебер на мгновение задумался.

- Она довольно высока ростом, хорошо сложена. Глаза серого цвета. Чёрные волосы...

- Вся в мать...такая же красивая...- она утерла слезу появившуюся в уголке глаз.

- Пожалуй, она действительно хороша собой, - согласился Вебер. - И вполне возможно скоро выйдет замуж. Во всяком случае, мне приходилось слышать подобные высказывания из уст преподавателей. Она вместе с Викторией учатся последний год.

- Виктория?

- Виктория Ратклифф. Младшая дочь сэра Ратклиффа! - с готовностью ответил Вебер.

Анна Бишоп нахмурилась.

– Помню. Виктория родилась через месяц после Китти. Но я её ни разу не видела. Какова из себя эта девица?

– Чудо какое-то! Просто чудо! – с восторгом вырвалось у Вебера. – Прекрасна как ангел. И поведение заслуживает самого искреннего восхищения. Скромна, послушна, в ней напрочь отсутствует кокетство или высокомерие...в колледже ею восхищаются. Отец же вообще в ней души не чает.

– Отец в ней души не чает?! Прекрасно. А что со старшей дочерью? Абигейл, кажется?

– Да. Внешностью и характером она больше похожа на Китти. Родители и её любят, но далеко не так, как младшую дочь.

– А как у него идут дела? – продолжала допытываться Анна Бишоп.

– Прекрасно. Торгует тканями. У него компания в Ливерпуле под названием «Ратклифф». Она приносит солидный доход.

Вебер замолчал, ожидая очередных вопросов. Анна Бишоп молчала и о чём-то напряжённо раздумывала, одновременно бросая на своего собеседника испытывающие взгляды. В эти мгновения она решала, стоит ли полностью довериться сидящему перед ней человеку. Он не раз доказывал свою преданность. Кроме того, был отлично осведомлён обо всех делах Ратклиффа. Его помощь могла оказаться неоценимой в деле Ратклиффа, но она не могла держать и дальше его в неведении.

– Мистер Вебер! До сего дня вы ни разу не задали мне ни одного вопроса, касающегося вашей поездки в Англию. Вы и сейчас не задаёте вопросов, хотя наверняка понимаете, что у меня есть причины для столь явного интереса к этому негодяю Ратклиффу.

– Я полагаю, что этот человек причинил вам зло! – спокойно и столь же откровенно ответил Вебер.

– Вы правы, мистер Вебер. Я собираюсь уничтожить этого человека и всю его семью.

– Даже... дочерей?

– Дочерей в первую очередь. Таковы мои планы. Хотите мне помочь?

– Не раньше, чем узнаю причину вашей ненависти!

– Причину? – гневно вскричала Анна Бишоп. – Знаете, как раньше называлась компания «Ратклифф»? «Братья Фелбс». Эту компанию основал мой покойный муж со своим братом. Моё прежнее имя Кэтрин Фелбс. Он заманил моего мужа в дом брата. Потом убил его и мать Китти. Китти тогда только родилась. Он убил их и во всём обвинил Джека, брата моего мужа. Джека казнили. Ратклифф убил моего мужа и родителей Китти. Он бы и меня с детьми убил, если бы мы остались в Англии. Он уничтожил обе наши семьи и присвоил себе компанию. Он поступил с нами бесчеловечно, но я поступлю с ним ещё хуже! Я никого не убью. Нет. Я растопчу обеих дочерей и выброшу на улицу. А потом буду смотреть, как они за пару пенсов продают себя грязным матросам в порту. Следом за дочерьми отправлю и его супругу. А самого Ратклиффа упрячу в тюрьму на всю жизнь. Вы со мной или нет? Отвечайте прямо сейчас!

– Я сделаю всё, что вы прикажете! – Вебер ответил не сразу.

Следующий час Анна Бишоп в деталях рассказала план, который обдумывала на протяжении последнего года. Вебер внимательно её слушал, и время от времени давал дельные советы.

После разговора с Вебером, Анна Бишоп призвала к себе сыновей. Карл и Леман сразу явились на зов матери.

– Будьте готовы. Пришло время для отмщения. Мы уничтожим всю семью Ратклиффа. Всех до единого.

Она рассказала сыновьям о результатах поездки Вебера и поделилась своими планами мести в отношении Ратклиффа. Оба сына целиком и полностью поддержали её во всём. Они выразили готовность пойти на любой шаг, чтобы наказать врага.

Участь семьи Ратклиффа была решена. Все четверо начали готовиться к отъезду в Англию.

Глава 1

14 апреля 1868 года .Лондон. Женский колледж Whiteland.

Полная луна смутно освещала плоские железные прутья, высотой в шесть фунтов, и два человеческих силуэта, стоявшие по разные стороны ограды.

- Сколько? – раздался в темноте приглушённый женский голос.
- Четыре шиллинга! – ответил мужской голос с другой стороны ограды.
- Четыре шиллинга? За крысу? Да они повсюду бесплатно бегают!
- Это ручная крыса. Её можно держать дома в отличие от тех, кто «повсюду бегают бесплатно».
- Шесть пенсов!
- Три шиллинга моя последняя цена!
- Так и быть, дам вам один шиллинг.
- Давайте!

Женщина просунула монету сквозь решётку. Её у неё забрали, а взамен сунули в руку что-то мягкое, которое всё время суетливо двигалось и издавало лёгкий писк.

- Держите крепче, иначе сбежит!
- Не сбежит!

На том разговор и завершился. Луна осветила женскую фигуру в плаще, которая вприпрыжку неслась к распахнутой двери. Ещё через минуту из маленького прохода, выходящего на один из основных коридоров колледжа, показалось лицо юной красавицы с дерзким взглядом. Осторожно оглядываясь по сторонам, она вышла в коридор и, приподнявшись на цыпочки, крадучись двинулась вперёд. Правую руку она держала под плащом. Она всё время дёргалась и издавала различные свистящие звуки; одновременно в левой части плаща появлялись мелкие выпуклости.

Китти Фелбс, именно так звали одну из учениц колледжа, не замеченная никем благополучно добралась в противоположное крыло, бесшумно скользнула в полуоткрытую дверь и оказалась в очень большой комнате. Слева и справа возле стен располагались ровно по двадцать кроватей. Возле каждой кровати стояла тумба со шкафом для одежды. Стоит ещё отметить два больших окна, которые выходили на задний двор, и где, в особенности зимними вечерами, любили собираться воспитанницы колледжа.

Но вернёмся к кроватям. Все они были заняты спящими девушками. Все за исключением одной, которая принадлежала самой Китти. К чести девушек стоит заметить, что ни одна из них не храпела. Но это вовсе не означало то самое ночное спокойствие, к которому привычны многие люди. Отсутствие храпа с лихвой возмещалось необычными звуками, которые весьма напоминали...пение сирен. Протяжный свист чередовался с завываниями со стонами, которые походили на мольбу о помощи. А следом раздавалось клокотание, напоминающее призывы тонущего человека. Источником всех этих звуков являлась только одна девушка – Пегги Блер. Именно на ней и сосредоточила своё внимание Китти. Пегги со своим ночным «пением» давно её раздражала. Она на цыпочках подошла к её кровати и некоторое время гневно всматривалась в пухлые губы, которые дрожали и подпрыгивали, издавая прерывистый свист.

Воровато оглянувшись по сторонам, Китти осторожно приподняла одеяло с плеча Пегги, положила крысу ей на грудь, потом укрыла и быстро побежала к своей кровати. Она в мгновение ока разделась, бросила одежду в шкаф, с головой зарылась под одеяло и прислушалась. Ни единого звука. Вообще ничего. Снаружи полная тишина.

«Неужели сбежала» – только она об этом подумала, как раздался дикий визг. За визгом раздались отчаянные вопли и топот, от которого даже её кровать сотрясалась. Китти высунулась из-под одеяла и сразу расхохоталась. Пегги Блер прыгала возле своей кровати и визжала, пытаясь избавиться от крысы. Её

крики так перепугали грызуна, что он своими крошечными лапками намертво вцепился ей в грудь.

Крики всполошили всех девушек. Протирая сонные глаза, они пытались понять, что происходит, когда раздался сильный грохот. Опрокинув шкаф и издавая истошные вопли, Пегги Блер с болтающей на груди крысой начала метаться среди кроватей. Девушки, одна за другой, визжа, слетали с кроватей и отбегали подальше от обезумевшей подружки. Но поскольку Пегги продолжала метаться по комнате, всем остальным девушкам тоже приходилось бегать, чтобы не давать ей приблизиться к себе. В воздух так и висел визг с постоянным грохотом и топотом ног.

Трудности заключались вовсе не в том, что обладая весьма широкими формами, Пегги одна производила шума больше, чем все остальные тридцать восемь девушек. Нет. Положение осложнялось тем, что она боялась дотронуться до крысы, поэтому прыгала и тряслась в разные стороны, иногда даже ухватившись двумя руками за кровать. В результате этих действий, крыса болталась на груди как маятник часов, а нагромождение, состоящее из постельного белья и опрокинутых стульев и шкафов, лишь увеличивалось.

Китти сидела на кровати, скрестив ноги, и хохотала до слёз, наблюдая за всем этим хаосом. Даже вид прибежавшей на шум миссис Лауп не подействовал на неё нужным образом. Что же касается самой миссис Лауп, она едва не упала в обморок, когда увидела Пегги с крысой на груди.

Неизвестно чем бы всё закончилось, если б Китти не решила смириться над бедной Пегги. Не переставая смеяться, она подошла к Пегги и сняла с её груди крысу. Потом на виду у всех погладила её по головке, чтобы успокоить разволновавшегося зверька.

– Ты её так напугала, что она даже побледнела! – заявила она в лицо Пегги. Та остановилась, но никак не могла прийти в себя после пережитого ужаса.

– Мисс Фелбс! – гневно закричала миссис Лауп. – Немедленно следуйте за мной. Продолжая поглаживать крысу, Китти направилась к миссис Лауп.

– Без...неё! – закричала, отступая к двери миссис Лауп.

– Хорошо! – Китти повернулась и направилась обратно к Пегги. Та с криком отскочила назад, но ударившись спиной о шкаф, вернулась на прежнее место.

Китти стала ходить по проходу и предлагать крысу всем подряд. Ответ в каждом случае был приблизительно такой же, как у Пегги.

– Мисс Фелбс, перестаньте! Немедленно!

– Хорошо! – Китти нагнулась и пустила крысу по проходу. Тут же раздался визг. Девушки одна за другой запрыгивали на кровати и с ужасом следили за перепуганным грызуном. Видимо, надеясь на понимание миссис Лауп, он побежал напрямик на неё. Издав вопль, миссис Лауп выскочила из комнаты и захлопнула за собой дверь.

Китти бросила выразительный взгляд на Пегги, а потом столь же выразительно указала на крысу, которая в это время суежилась возле двери желая выбраться из этой страшной комнаты.

– Это не самое худшее из того, что тебя ждёт, в случае...если по твоей вине я снова не смогу заснуть.

– Я же не могу...– пролепетала Пегги.

– Конечно, можешь. Спи с закрытым ртом. А если не получается, завяжи его, но не вздумай больше издавать эти отвратительные звуки. Вчера я проснулась среди ночи и решила, что нахожусь в лесу.

– Мисс Фелбс! – раздался гневный голос из-за двери. – Немедленно уберите эту крысу из колледжа и приходите в мой кабинет!

– Я страдаю за всех! Всегда помните мою жертву! – с пафосом бросила Китти. Она оделась, прихватила грызуна и к всеобщему облегчению, удалилась.

Вернулась она обратно, когда все уже успели заснуть. Ей целый час пришлось выслушивать наставления миссис Лауп. Одними наставлениями она не ограничилась. Наутро предстоял разговор с директором, а после и с дражайшей тётушкой, леди Ратклифф.

Глава 2

Кузины

Леди Ратклифф приехала в колледж после полудня. Она выглядела как всегда, идеально, одетая с иголочки, в своей широкополой шляпе с бантом и зонтом, который находился при ней в любую погоду. Леди Ратклифф появилась в кабинете директора колледжа с весьма расстроенным видом, что совсем не помешало расположиться в кресле со всем возможным удобством. Китти сухо поздоровалась с тётушкой. После чего директор колледжа вкратце рассказал о вчерашнем происшествии.

– Это далеко не первый случай, – продолжал с суровым лицом директор колледжа, – мисс Фелбс умудряется нарушать правила колледжа гораздо чаще, нежели все остальные ученицы вместе взятые. Вчерашний случай стал самым вопиющим нарушением. Нам до сей поры не удалось устранить беспорядок. Я уж не говорю о том, что мисс Блер двух слов не может произнести без заикания. – Вот и прекрасно. Она перестанет свистеть по ночам, – с довольным видом заметила Китти.

– Мисс Фелбс! – одёрнул её директор колледжа.

– Да она спать не даёт по ночам, – возмутилась Китти, – всё время хрипит, стонет, свистит, рыдает... Следовало принять срочные меры. Вот я и приняла. Леди Ратклифф только и делала, как осуждающе качала головой, слушая племянницу.

– Моя бедная, несчастная сестра, – с глубоко печальным видом заговорила она, – оставляя нас, она и помыслить не могла, что её единственное дитя будет вести себя столь ужасно.

– Вы не могли бы избегать упоминания моих покойных родителей? – тихо спросила Китти.

– А что мне ещё остаётся делать? К кому мне обратиться, как не к своей несчастной сестре? Почему ты ведёшь себя столь ужасно? В чём причина? Я же забочусь о тебе как о родной дочери. Почему ты не берёшь пример с Виктории? – Очень верно сказано, – заметил директор колледжа, – мисс Виктория Ратклифф ведёт себя во всех отношениях безукоризненно. Ни одного нарушения. Ни одного неподобающего поступка. Ни одного оскорбительного слова в адрес подруг.

– Я не Виктория! – отгрызнулась Китти. – Не надо меня с ней сравнивать всё время.

– И она никогда мне не перечит, – выразительно добавила миссис Ратклифф.

– Почему бы вам в таком случае не поговорить с Викторией? Она бы вас выслушала молча...

– Мисс Фелбс, вы начинаете грубить, а это совершенно неприемлемо! – директор бросил на Китти строгий взгляд.

– Я могу идти или наставления будут продолжаться?

– Вы будете наказаны со всей строгостью, мисс Фелбс. А сейчас можете продолжить занятия.

Китти присела и, не прощаясь с тётушкой, вышла из кабинета.

– Бунтарка! – сказал ей вслед директор колледжа. – У неё очень сложный характер. Мисс Фелбс с лёгкостью подчиняет своей воле всех наших воспитанниц. Особенно достаётся вашей дочери. В этой части мне хотелось поговорить подробней.

– Китти обижает Викторию? – удивлённо вырвалось у леди Ратклифф.

– И весьма часто, – ответил на это директор колледжа. – Они плохо ладят. А правильнее будет сказать, что мисс Фелбс не ладит с вашей дочерью. Мне ни разу не доводилось видеть, чтобы ваша дочь отнеслась неуважительно к своей кузине. Она молчит даже тогда, когда мисс Фелбс относится к ней несправедливо. Мы стараемся повлиять на мисс Фелбс, но пока нам не удаётся.

– Я переведу Китти в другой колледж! – заявила леди Ратклифф.

– Будет только хуже, – мягко заметил директор колледжа. – Мисс Фелбс единственная из наших учениц, кто потерял своих родителей. Полагаю, это

обстоятельство её угнетает. Ей нужна доброта и любовь, а не злость. Впрочем, решать вам, леди Ратклифф.

– Хорошо, – после короткого раздумья ответила леди Ратклифф, – пусть пока учится вместе с Викторией. Надеюсь, вы будете мне сообщать о любых ссорах между моей племянницей и дочерью?

– Безусловно! – подтвердил директор колледжа.

– Китти...будет наказана?

– Да. Ей придётся весь следующий месяц одной убирать спальную комнату. Она заслужила это наказание.

На том беседа и завершилась. Леди Ратклифф поблагодарила директора и сразу ушла. Он же, приняв задумчивый вид, подошёл к раскрытому окну, откуда открывался вид на задний двор с чудесной лужайкой и стройным рядом буков, которые росли в нескольких шагах от ограды. Под одним из этих деревьев, прямо на траве, сидела юная особа с очень нежными чертами лица и читала книгу. Это и была Виктория Ратклифф. Директор колледжа не сказал самую главную причину ненависти Китти к своей кузине. Виктория превосходила её во всём, поэтому она и злилась. Наиболее отчётливо эта ненависть проявилась два месяца назад. Тогда он с миссис Лауп повёл учениц в Кенсингтонские сады. Именно там и произошёл досадный случай, после которого отношения между кузинами резко ухудшились. Группа молодых людей, разгуливающая в то утро, с откровенным восхищением отозвалась о достоинствах Виктории в присутствии всех воспитанниц, включая её кузину Китти. Один из них даже воскликнул: «Она похожа на ангела и столь прекрасна, что рядом с ней меркнет даже красота этого места». До того самого дня именно Китти принадлежало первенство самой красивой девушки колледжа. После того дня пальма негласного первенства перешла к Виктории. Видимо, Китти не смогла простить кузине своего унижения. Как будут развиваться отношения между двумя кузинами оставалось только догадываться.

В своих рассуждениях, директор колледжа очень точно определил отношение между девушками. Когда вечером Китти приступила к мытью полов, Виктория подошла и предложила ей свою помощь.

– Оставь меня в покое! – огрызнулась в ответ Китти.

– Я достаточно наслушалась от твоей матушки, и не собираюсь ещё и с тобой возиться.

Виктория молча ушла и села на свою кровать, но ещё долго смотрела на Китти, надеясь, что она призовет её на помощь. Китти действительно призвала на помощь. Но не её, а Пегги. Вскоре к ним присоединились и другие девушки. Одна за другой принимались мыть пол. Участвовали все за исключением Виктории. Ей Китти так и не позволила помочь.

Глава 3

Урок

Джон Фаунторп пришел на обширную лужайку, которая находилась во внутреннем дворе колледжа, и здесь какое-то время оглядывался, подыскивая подходящее место для предстоящего урока. Это был весьма обаятельный молодой человек, облаченный в строгий чёрный костюм. Отличительными чертами являлось вытянутое лицо с густой бородой и высокий рост. К своим тридцати годам он успел получить церковное образование, а так же степень магистра и бакалавра. Все эти достижения позволили ему получить место директора колледжа Whiteland. Кроме должности директора, он занимал также должности капеллана и секретаря. Воспитанницы колледжа любили и уважали своего директора за терпение и справедливость. А ещё больше, за необычные уроки, которым он посвящал немало своего времени.

Именно один из таких уроков собирался провести Джон Фаунторп на природе. Он справедливо полагал, что ни математика, ни физика, ни история или география, ни даже рисование или часы, посвящённые размышлениям о Боге, ничуть не проиграют, если к ним добавить немного подлинной жизни. К тому же, сама погода располагала к такому решению. Впервые за последние недели выдался такой тёплый солнечный день. Руководствуясь всеми этими соображениями, он прихватил с собой лондонскую газету под названием «Субботний обзор», предварительно известив миссис Лауп о своём решении провести урок на свежем воздухе.

Миссис Лауп ведала всем хозяйством в колледже. В её обязанности так же входила забота о воспитанницах. Проще говоря, она зорко следила за всеми ученицами, готовая в любой момент пресечь неблагоприятные речи или, не приведи Господи...неблаговидные поступки. Ещё несколько слов, чтобы должным образом представить почтенную миссис Лауп. Это была низенькая полноватая женщина пятидесяти пяти лет с весёлым выражением лица. На самом деле, она обладала весьма и весьма достойным нравом, в котором одинаково преобладали строгость и обратная сторона легкомысленности, но...верхняя часть губы с правой стороны была слегка вздёрнута вверх вследствие неприятного шрама, отчего уголок рта всегда оставался слегка приоткрытым создавая впечатление лёгкой, даже застенчивой улыбки, более присущей юной девице, нежели почтенной даме, коей она и являлась на самом деле.

И поскольку мы познакомились с директором колледжа и «весёлым констеблем», как в колледже втихомолку называли миссис Лауп, самое время перейти к воспитанницам. С первого взгляда отличить их друг от друга представлялось занятием почти невозможным. Это истина в равной степени касалась как одежды, так и причёсок. Вернее, причёски, поскольку у всех она была одинаковой.

Все девушки носили одинаковые строгие длинные платья серого цвета с воротником, плотно облегающим шею, и рукавами, плотно облегающими запястья. Никаких излишеств, ничего, что могло допустить мысль о любого рода вольности. Что же касалось волос, у всех без исключения волосы были гладко зачёсаны назад с пробором строго посередине головы.

Как и говорилось ранее, отличить их сразу не представлялось возможным. Тем не менее, некоторые из учениц колледжа, несомненно, заслуживают самого пристального нашего внимания, и мы обязательно к ним вернёмся. Стоит ещё добавить, что все сорок воспитанниц принадлежали к известным или богатым домам Лондона. А теперь самая пора вернуться к тому самому уроку, затеянному директором колледжа.

Итак, около полудня сорок учениц колледжа Whiteland в возрасте от семнадцати до восемнадцати лет, разбившись на пары, появились на лужайке в сопровождении миссис Лауп. Она повела девушек к Буку, который произрастал в нескольких шагах от изгороди, окружающей территорию колледжа. Именно там прохаживался Джон Фаунторп.

– Тема сегодняшнего урока... – Джон Фаунторп показал газету, как только девушки согласно заведённому правилу, образовали полукруг, а миссис Лауп заняла место справа от директора колледжа. –...тема урока – публикация в «Субботнем обзоре» рассказа некой Элизы Линтон, который называется «Девушка периода». В своём рассказе миссис Линтон весьма нелестно отзывается об английских женщинах, – во всеобщей тишине, неторопливо прохаживаясь по воспитанницам мягким взглядом, продолжал говорить или, более уместно применить слово «размышлял», Джон Фаунторп. – Она называет их «плохой копией настоящей вещи», и утверждает, будто молодые леди склонны или даже предпочитают роль любовницы, – слово «любовница» мгновенно вызвала оживление среди воспитанниц. На многих лицах появилось ярко выраженное любопытство. Некоторые из девушек даже попытались выдвинуться вперёд, поближе к директору, но все эти поползновения были мгновенно пресечены жёстким взглядом миссис Лауп. – Миссис Линтон убеждена, что роль любовницы прельщает английских женщин куда больше, нежели роль добропорядочной супруги. По её мнению «Женщины упали с вершин своего целомудрия. Они подвержены легкомыслию

и желают лишь косметику с нарядами. И это ещё не все недостатки английских женщин, в коих пытается нас убедить миссис Линтон. Я бы желал услышать ваше мнение по этому поводу. Ведь именно о вас она и пишет. Насколько права миссис Линтон? Китти Фелбс! Прошу вас!

– Видимо, миссис Линтон судит всех по себе, – с гневным видом ответила Китти Фелбс. – Да как она смеет нас сравнивать с теми убогими созданиями из Ист-Энда?! Я бы желала лично указать место этой выскочке.

– А как насчёт слова «любовница»? – поинтересовался Джон Фаунторп.

– Полагаю, оно столь же уместно, как и слово «любовник». Такого рода отношения вполне допустимы, как со стороны женщины, так и со стороны мужчины.

– Даже в браке?

– В браке такие отношения ещё более допустимы! Почему бы не позволить себе небольшую вольность? Или предназначение женщины состоит в ожидании супруга часто даже после посещения любовницы?!

– Следовательно, вы согласны с миссис Линтон? Она ведь говорит о том же.

– Нет! Она говорит о предпочтениях женщин, я же имею в виду равенство между супругами. Если он мне изменяет, почему я не могу завести любовника?!

Многие из девушек поддержали Китти аплодисментами. Китти бросила самодовольный взгляд на Викторию. И этот взгляд перехватил Джон Фаунторп. Ему показалось интересным вызвать на разговор Викторию. Если где-то ещё существовали такие высокие понятия как нравственность и скромность, именно эта девушка их и олицетворяла.

– Достаточно понятно! Возможно, ваша кузина желает высказаться по этому поводу? Мисс Виктория Ратклифф! Вы согласны с мнением мисс Фелбс?

– Нет! – коротко ответила Виктория.

– Нет? – перепросил Джон Фаунторп. – Вы не желаете разъяснить значение этого слова в русле темы нашего урока?

Виктория Ратклифф очаровательно покраснела, попыталась ответить, но так и не смогла. Вокруг неё раздался лёгкий смех.

– Моя дражайшая кузина не считает возможным употреблять такого рода слова как «любовник или любовница», – насмешливо ответила за неё Китти Фелбс. – Для неё брак нечто вроде святого Грааля.

На этот раз Виктория не стала отмалчиваться.

– Отношения любого рода между мужчиной и женщиной, за исключением тех, которые одобрены родителями, и освящены перед лицом Господа – не могут иметь места в нашей жизни.

– Хорошо сказано, – одобрительно отозвался Джон Фаунторп. – Ну а ка же чувства? Любовь?

– Да уж, просвети нас, кузина, – насмешливо поддакнула Китти.

– Мы должны любить супругов, которых выбирают для нас родители! – ответила на это Виктория.

– Выходит, мне не суждено выйти замуж, – с притворной печалью промолвила Китти. – У меня же нет родителей. Кто же мне будет указывать, какого мужа любить?

Почти все девушки рассмеялись. Даже мисс Лауп не удержалась от улыбки.

Виктория смешалась. Меньше всего она желал задеть чувства кузины. Она тут же принесла ей свои извинения. Но Китти ответила по привычке, насмешливо:

– Не стоит извиняться, кузина. Мы все осведомлены о вашей преданности родителям. К сожалению, мало кто из нас способен похвастать столь же завидной покорностью.

Джон Фаунторп не желал смущать Викторию новыми вопросами, поэтому обратился к другим воспитанницам. Ответы последовали один за другим. Слово за слово завязался оживлённый разговор, который быстро перерос в жаркую дискуссию. Джон Фаунторп наблюдал за ученицами с откровенным удовольствием. Живой разговор, споры, откровенное изложение взглядов, именно то, что он и хотел видеть. Они должны были не только учиться, но и думать, чтобы находить правильные ответы, которые даже он не мог подсказать. От него не укрылось

почти незаметное событие. В обсуждении «Девушки периода» Элизы Линтон, участвовали все, за исключением Виктории Ратклифф.

«Ничто не может пошатнуть её веру, – глядя на её задумчивое лицо думал Джон Фаунторп. – Такие девушки и становятся лёгкой добычей для недобросовестных супругов. Они настолько верят в брак, что не желают замечать ни ложь, ни коварство, ни измены».

Глава 4

Лондон. Вест-Энд. В тот же день.

Один из богатейших мест Лондона – Вест-Энд. Повсюду дворцы, дорогие дома и роскошные магазины. На улицах роскошные кареты и безукоризненно одетые люди. Вокруг всё блестит от чистоты. Жизнь протекает размеренно и неторопливо. Здесь все обо всём знают и никогда ничего не делают своими руками. В той части Вест-Энда, которая именуется Холборн, располагался роскошный особняк, недавно купленный семейством Бишоп.

В это утро Анна Бишоп вместе с сыновьями, Карлом и Леманом, в присутствии Вебера, обсуждала ближайшие планы. Давайте и мы прислушаемся к разговору семейства.

– Я ждала этого дня больше семнадцать лет, – говорила Анна Бишоп. Она сидела, сложив руки на столе. Весь облик отражал ярко выраженную ненависть. Справа от неё, сидел Вебер. Братья Бишоп развалились в креслах, но слушали речь матушки с неослабным вниманием. – Настал час отмщения! – продолжала Анна Бишоп. – Но мы не будем спешить. Нам предстоит стать друзьями семейства Ратклифф. Мы должны заслужить доверие этих людей. Иначе нам их не уничтожить. Как это сделать? Путь к Ратклиффу лежит через жадность. Мы используем самую большую его слабость – деньги. И здесь я полностью согласна с мнением мистера Вебера. Он предлагает использовать метод некоторых работорговцев. Они сначала предлагают рабов по более низким ценам, раз или два привозят их. А когда аппетиты покупателей начинают расти, они забирают у них все деньги, после чего случается кораблекрушение или пожар, или они просто исчезают с деньгами. Найдём нужного человека, заинтересуем Ратклиффа низкими ценами на ткани, два или три раза доставим товар по низким ценам, подождём, пока он захочет вложить крупную сумму, а потом заберём всё. Это только один из вариантов.

– Давайте лучше просто подождём его склады с товарами, – предложил Карл. – Мы с Леманом одни справимся. Это быстрее и проще, чем пытаться его обхитрить.

– Да. Это проще, – согласилась Анна Бишоп. – Проще и рискованней. Да и проку от таких действий немного. Они всего лишь потеряют деньги. У меня идея куда интереснее: вы с Леманом женитесь на дочерях Ратклиффа.

– Мне эта мысль по душе! – Карл сразу оживился.

Ещё более радостно выглядел Леман.

– Чёрт! – воскликнул он. – Да это же прекрасная идея. Ты всё равно собираешься отправить их в бордель, так почему бы сначала нам ими не воспользоваться?

– Делайте с ним, всё, что пожелаете, но только после свадьбы.

– Жениться обязательно? – спросил Леман. – Мы бы и так могли с ними позабавиться.

– Жениться обязательно! – выразительно ответила Анна Бишоп. – И это наш второй вариант мести Ратклиффу. Он просто вынужден будет обеспечить деньгами своих дочерей. Так поступают все родители без исключения. По английским законам состояние женщины после брака переходит к мужу. Иными словами говоря, в случае женитьбы мы сразу уничтожим Ратклиффа, поскольку родственные отношения предполагают доверие. Мы подскажем ему, куда и как вкладывать деньги. Так или иначе, его дочери будут находиться в наших руках.

Он их весьма ценит. Особенно младшую, Викторию. Этот путь самый надёжный и предполагает множество возможностей, которые непременно появятся в случае успешного сватовства.

– Я выбираю младшую сестру! – заявил во всеуслышание Леман.

– Нет. Ты приударил за старшей дочерью, Абигейл. Младшая достанется Карлу.

– Это несправедливо! – возмутился было Леман, но брат быстро его успокоил.

– Какая разница, какая из сестёр кому достанется?! Мы оба вдоволь попользуемся обеими, прежде чем матушка отправит их в бордель.

Хмурое лицо Вебера привлекло Анну Бишоп.

– Вам что-то не нравится, мистер Вебер? – спросила она.

– Вы вправе отомстить, миссис Бишоп, но...

– Слишком жестоко?

Вебер утвердительно кивнул.

– Дети не виноваты в грехах отца!

– А мои дети? Они в чём были виноваты? – резко спросила Анна Бишоп. – Я уже говорила не раз. Никакой пощады не будет. Никому. Если вас что-то беспокоит, можете прямо сейчас возвращаться в Америку.

– Я полностью на вашей стороне, миссис Бишоп, и готов выполнять любые поручения. Я только прошу пощадить Викторию. Она настолько доверчива, что готова поверить чему угодно. Её обмануть очень легко. Ещё проще использовать.

– Вот и прекрасно. По крайней мере, Карлу не придётся много трудиться. Достаточно будет сказать пару слов о любви. И всё на этом, – жёстко добавила она, когда Вебер снова пытался заговорить. – Виктория наиболее важна для отца, значит и для нас тоже. Мы больше не будем возвращаться к этой теме. Если вам есть что сказать кроме как просить снисхождения для этой девицы, говорите. Сейчас меня интересует другие вещи. Моим сыновьям для начала необходимо знать в лицо своих будущих жён.

При слове «жён» Карл и Леман расхохотались. Не обращая на них внимания, Анна Бишоп сосредоточенно продолжала:

– С Викторией всё просто. Карл может просто поехать в колледж. Предлог найти не трудно. А вот как Леману увидеть Абигейл? Есть идеи? – она сосредоточила внимание на Вебере. Тот кивнул.

– Можно устроить даже сегодня. Сегодня суббота. По субботам, Ратклифф проводит время в джентльменском клубе под названием «Гаррик». А жена с дочерью отправляются в Кенсингтонские сады и проводят там весь день. Я их видел несколько раз в свой прошлый приезд. Думаю, они, и сегодня там будут.

– Отправляйтесь с Леманом туда, а мы с Карлом поедem в колледж, – решила Анна Бишоп. – Он посмотрит на Викторию, а я познакомлюсь с моей дорогой Китти.

– Этого делать нельзя, – сразу же возразил Вебер.

Анна Бишоп с недовольством взглянула на Вебера.

– Вы опять за своё?

– Нет. Виктория не имеет отношения к моим словам. Своим приездом вы можете привлечь ненужное внимание. Карл в любое время сможет познакомиться с Викторией, а вот вам ни в коем случае нельзя встречаться с Китти. Это знакомство с учётом ваших намерений в отношении его дочерей, наверняка покажется Ратклиффу подозрительным. Он может сопоставить ваш возраст и сделает выводы.

– Мистер Вебер рассуждает весьма здраво! – заметил Леман. – Давайте, не будем спешить. Сначала я попытаюсь познакомиться с Абигейл. О Виктории вообще не следует думать. С учётом того, что я уже слышал, она выполнит любую волю родителей. Поэтому Карлу нужно заслужить внимание Ратклиффа, чтобы заполучить Викторию.

– Ты пойдёшь знакомиться с Абигейл, а мне предлагаешь встать на задние лапки перед Ратклиффом? – сердито спросил Карл.

– Я согласна с Леманом, – Анна Бишоп сделала резкое движение рукой, прекращая любые возможные споры. – Пусть попробует завязать знакомство с Абигейл.

Подождём и посмотрим, что из этого получится.

Карл выразил недовольство решением матери, но поскольку Леман был на её стороне, ему пришлось смириться. Часом позже, Леман и Вебер уехали. Их путь лежал в Кенсингтонские сады. Солнечная погода как нельзя лучше располагала к пешей прогулке. А начищенные до блеска туфли и великолепный костюм – к знакомству с девушкой. Именно поэтому, Леман выбрал такой вариант одежды. Он хотел сразу произвести впечатление на Абигейл.

Глава 5

Кенсингтонские сады

– Вот она!

– Где?

– Смотри выше. Жёлтое платье. В руках зелёный зонт. Она идёт под руку с матерью. Справа от них семья из четырёх человек: мужчина, женщина и двое детей. Сзади ещё женщина, одна. Впереди ещё три женщины в светлых платьях. Они стояли в тени деревьев и делали вид, будто беседуют, а сами смотрели на цветочную аллею, по которой гуляло множество людей. Действительно, среди них находилась и Абигейл с матерью. Леман не сразу их заметил.

– Черноволосая девушка? Улыбается? Рядом с ней не очень приятная женщина с вытянутым лицом в чёрном платье?

– Да. Это Абигейл! – подтвердил Вебер.

– Недурна! Весьма недурна! – Леман больше не упускал из виду Абигейл. Он увидел, как она села на свободную скамейку рядом с продавцом мороженого. Потом встала, купила лакомство и снова вернулась на место. Мать и дочь были всецело увлечены десертом, оттого и не замечали два пристальных взгляда. Но они обратили внимание на группу подвыпивших молодых людей, выглядевших весьма достойно, но ведущие себя излишне развязно. Они подходили к незнакомым людям, задавали вопросы, а если те не отвечали или уходили подальше, заливались громким смехом. Двигались они медленно по причине частых остановок, но точно по направлению к той самой лавочке, на которой сидели Абигейл с матерью.

– Ведут себя слишком спокойно. Надо бы их слегка раззадорить, – наблюдая за ними, пробормотал под нос Леман.

– Для чего? – тихо спросил Вебер.

– Мой выход! Ждите меня здесь. Может понадобится помощь, – ответил Леман. Он вышел из тени деревьев, незаметно свернул на аллею и медленно двинулся вперёд, рассчитывая достигнуть заветной лавочки одновременно с группой молодых людей. Он следил и за Абигейл. Вернее, за выражением её лица. Она часто бросала взгляды в сторону молодых людей. Было заметно, что они её беспокоят. И не только её. Мать так же встревоженно оглядывалась по сторонам. Они порывались встать и уйти, но остались, видимо решив, что молодые люди просто пройдут мимо них. Наверное, так бы и случилось, но у Лемана на сей счёт имелись свои планы. И выбрал он для них наиболее удачный момент. Дело в том, что молодым людям вздумалось купить мороженое. В результате чего, они попросту обступили Абигейл с матерью со всех сторон, и продолжали топтаться возле них, громко обсуждая некое событие, с которого, они, по всей видимости, и явились. Лучшего способа для знакомства и представить было невозможно.

– Вы своим поведением пугаете людей! – закричал Леман и, ухватив за локти двух молодых людей, оттащил их от лавочки, освобождая пространство перед Абигейл и её матерью. Одним этим поступком он не ограничился. Делая вид, будто не замечает на себе злых взглядов, он потребовал от них убраться из места, предназначенного для порядочных людей. Результат оказался предсказуемым. Он получил долгожданную оплеуху от одного из молодых людей и в ответ двинул его кулаком в челюсть. Тот едва не упал, но быстро оправился

и сразу же набросился на него с кулаками. Это нападение стало сигналом для остальных. На Лемана посыпались удары со всех сторон. Он встал на колени и прикрыл руками лицо. Пока его били, Абигейл кричала:

– Что вы делаете? Отпустите его!

Где-то поблизости раздались свистки. Молодые люди бросились врассыпную.

Абигейл с матерью подхватили его под мышки и помогли подняться. Они смотрели на него с глубоким участием. Точно так же смотрели и другие люди, которые проходили мимо.

Леман осмотрел себя со всех сторон. На белой рубашке отчётливо виднелись капли крови. Откуда-то сверху упала ещё одна капля. Он устремил взгляд на Абигейл. Она протягивала ему свой платок.

– У вас из носа кровь идёт, – сказала она.

Он принял платок и прижал его к своему носу, после чего весело рассмеялся. Заметив два недоумённых взгляда, он пояснил своё веселье.

– Матушка говорила, что Лондон самое спокойное место на земле!

Ответом стала улыбка леди Ратклифф и лёгкий смех Абигейл.

– Вы недавно приехали в Лондон? – догадалась миссис Ратклифф. – Из Америки?!

– заметив удивлённый взгляд Лемана, она добавила: – Ваш английский звучит несколько грубо для английского уха.

– Простите. Я ещё не привык к Лондону. Мы с матушкой и братом лишь недавно обосновались в Лондоне.

– И где же вы обосновались? – полюбопытствовала леди Ратклифф. – Возможно, мы с вами соседи.

– Я только знаю, что место называется Холборн, а бывших владельцев звали Витхем.

– Особняк Витхемов?! – удивлённо переспросила леди Ратклифф.

– Матушка, наш спаситель ранен. Ему нужна помощь, – как могла мягко вставила Абигейл, бросая при этом беспокойный взгляд на Лемана. Настало время для знакомства, что он и сделал, кланяясь женщинам:

– Леман Бишоп!

Леди Ратклифф не замедлила с ответом:

– Леди Ратклифф! А это моя дочь Абигейл. Она права, говоря о помощи. Давайте пройдем к пруду. Вы умоеетесь, а мы избавимся от этих любопытных взглядов, которыми нас всё время преследуют.

Они так и сделали. Леман намочил платок Абигейл и приложил его к своему носу, что не помешало ему со всей любезностью продолжить беседу.

– Вы единственные, с кем мне удалось познакомиться в Лондоне, – с подкупающей откровенностью говорил Леман. – У себя дома, я бы сразу пригласил вас в гости, но здесь в Лондоне существуют правила знакомства. Во всяком случае, матушка без устали напоминает нам с братом о необходимости достойного поведения.

На сей раз и леди Ратклифф засмеялась. Абигейл при этом смутилась. Леман посчитал это добрым знаком для себя, но сделал вид, будто смущён.

– Я допустил бестактность?

– Нет! – вырвалось у Абигейл, но её матушка была более сдержана в ответе.

– Мы не привыкли знакомиться на улицах, даже когда нас пытаются защитить. И обычно наносим визитам людям, которые нам хорошо известны.

– Да-да, вы правы, – Леман закивал головой.

– Но вы не согласны? – смущённо уточнила Абигейл.

– Нет!

Абигейл ожидала откровенного ответа, поэтому улыбнулась и тем самым заслужила строгий взгляд матери.

– Трудно узнать человека, если не видишься и не беседуешь с ним. Да и скрывать мне нечего. Мы с матушкой и младшим братом Карлом до недавнего времени жили в Новом Орлеане. Два года назад умер наш горячо любимый отец. Именно тогда и решили перебраться в Англию. Матушка решила, – уточнил Леман и столь же легко продолжал рассказывать. – Она настояла на переезде, так как

желала, чтобы мы с братом обосновались в Лондоне, и именно здесь обзавелись семьями.

Заветные слова «обзавелись семьями» были сказаны, и они сразу привлекли внимание леди Ратклифф.

– Разве в Америке нет достойных девушек? Почему же Лондон? – словно невзначай поинтересовалась она. – Судя по выбору дома, вы вполне обеспеченные люди.

– Нет. Вовсе нет, – улыбаясь, ответил Леман. – Мы совсем небогаты. У нас с братом всего по пятьсот тысяч фунтов. Всем остальным состоянием распоряжается матушка. А у неё в голове одни внуки.

– Пятьсот тысяч фунтов?! Это же огромные деньги, – сумма, несомненно, впечатлила леди Ратклифф.

– Только не у нас, – ответил Леман. – К тому же, мы ещё ничего сами не успели заработать. Деньги нам остались от покойного отца. И это прискорбно. Разговаривая, Леман как коршун наблюдал за обеими женщинами. Он видел, что деньги весьма заинтересовали, но только леди Ратклифф. Абигейл внимательно слушала его, но интерес на её лице отсутствовал. «Крепкий орешек», – подумал он об Абигейл.

Леди Ратклифф внезапно заторопилась. Молодой человек, несомненно, её заинтересовал, и она хотела продолжить знакомство. Но принимать столь двусмысленное приглашение она не могла, не уронив своего достоинства. Поэтому нашла более приемлемый способ продолжить знакомство.

– Вы, мистер Бишоп, пострадали, спасая нас от бандитов, – леди Ратклифф посчитала не лишним слегка преувеличить заслуги Лемана. – Мы бы хотели вас отблагодарить. Могли бы вы навестить нас? Завтра в два часа?

– С благодарностью и...радостью, – добавил Леман, бросая красноречивый взгляд на Абигейл. Она заметила этот взгляд и наверняка поняла его значение. Во всяком случае, Леман надеялся, что она уловила истинный смысл его слов.

– Мы будем так же рады видеть вашу матушку с братом, – добавила леди Ратклифф. И после очередной благодарности Лемана продиктовала адрес своего дома. Они расстались весьма довольные друг другом, и в предвкушении будущего знакомства.

– Не стоит столь явно показывать свои чувства, – посоветовала дочери леди Ратклифф, как только Леман ушел, прихватив с собой её платок.

– Ничего такого, – начала было Абигейл, но леди Ратклифф её перебила.

– Я видела, как ты смотрела на этого молодого человека. Он определённо тебе понравился.

Абигейл промолчала, тем самым подтверждая догадку матери. Но она совсем не собиралась отчитывать дочь. И даже наоборот. Решила слегка её поощрить, подталкивая к Леману.

– Он и мне понравился. Надеюсь, он и твоему отцу понравится. Но любые дальнейшие шаги возможны только после того, как мы познакомимся с ними поближе. Если слова мистера Бишоп соответствуют действительности, я не вижу никаких преград для вашего брака.

– Вы полагаете, что я заслужила...благосклонность мистера Бишоп? – краснея, спросила Абигейл.

– Ты определённо ему понравилась, иначе бы он не стал приглашать нас в гости, и так радоваться, когда мы его пригласили. В противном случае, мы должны предположить, что этот приятный молодой человек жаждет знакомства со мной или с твоим отцом.

Абигейл засмеялась и пришла просто в превосходное состояние. Она подхватила матушку под руку и повела домой. Прогуливаться после встречи с Леманом ей больше не хотелось. Она жаждала остаться одна, в своей комнате, чтобы сполна насладиться воспоминаниями о сегодняшней встрече с человеком, который, как она надеялась, скоро станет её супругом.

Что же касается Лемана, он, в сопровождении Вебера, тоже поехал домой. Анна Бишоп и Карл, с воодушевлением приняли новость о знакомстве с семьёй Ратклифф и будущем визите.

- А не может ли сэр Ратклифф узнать вас, матушка? - осторожно спросил Леман.
- Завтра вам придётся и с ним встретиться.
- Нет! - последовал уверенный ответ. - Я изменилась. Моё имя и фамилия изменились. Столько времени прошло. Меня невозможно узнать.
Она ушла в самом прекрасном состоянии духа.
- И какова Абигейл? - спросил Карл, когда они с братом остались одни.
- Глупа, как и все девицы, мечтающие выйти замуж. Но с другой стороны, ум в женщине интересует меня меньше всего.
- Значит, она хороша?!
- Я бы сказал...недурна. Но в постели от таких женщин как Абигейл толку мало. Так что, не слишком обольщайся на её счёт, дорогой братец. Мне она совсем не понравилась. Можешь забрать её себе, когда пожелаешь.

Глава 6

Лондон. Ист-Энд. На следующий день.

Шесть утра. Светает. Моросит мелкий, холодный дождь. Бишопгейт, главная дорога, ведущая к докам на берегу Темзы выглядит унылой и грязной. У стен домов громоздятся серые кучи угольной золы. Порывы ветра подхватывают её и разносят по всем близлежащим улочкам, отчего всё вокруг на мгновение блекнет. В воздухе так и носится серая пыль. Даже дождь не способен с ней справиться. Возле дверей некоторых домов стоят женщины. Они похожи словно близнецы. Муслиновые грязные платья, рваные синие чулки, расплывшиеся лица, покрытые оспинами, и равнодушный взгляд. Стоит на улице появиться даже самой захудалой карете, как все эти женщины словно по команде приподнимают платье до колена или даже выше, обнажая порой не менее грязные панталоны с рваными кружевами. Карета уезжает, но женщины не спешат прикрыть ноги.

По другую сторону улицы, возле маленького деревянного прилавка, суетится торговец газетами. Газеты и журналы лежат под стеклом, покрытым маленькими пузырьками. Пузырьки лопаются и растекаются, размывая картинки и буквы. Но лишь на время. Поёживаясь от озноба, торговец то и дело вытирает стекло, рукавом пальто, открывая прессу для всеобщего обозрения. Возле прилавка останавливается крытая карета, на которой отчётливо видна надпись: «Иллюстрированные новости Лондона».

- Есть что интересное? - спрашивает кучера торговец газетами.
- Не особо, - кучер лениво сползает с козел, неторопливо огибает карету и открывает заднюю дверцу. Всё внутри завалено пачками перевязанных журналов. Поверх пачек видна картинка с изображением английских солдат, которые идут по перевалу, ведя в поводу лошадей со скарбом и пушками. - Роберт Нейпир одержал победу при Магдале. Это главная новость, - лениво продолжает кучер, вытаскивая из кареты две пачки с иллюстрированными журналами. - Ещё есть новость из-за океана. Улисс Грант стал восемнадцатым президентом Америки. Есть неплохая статья про нашего нового премьер-министра Бенджамина Дизраэли. Но по сути, ничего интересного. Одна тоска...- он передал журналы торговцу и столь же неторопливо закрыл дверцы кареты. Спустя минуту карету отъехала. Одновременно рядом с газетным ларьком появился грузный мужчина с ручной тележкой, на которой лежали пирожки с рыбой и мясом, румяные булочки и свежее испечённый хлеб. Он даже не подумал прикрыть свой товар, когда на него стала оседать пыль вместе с каплями дождя.

Из прилегающих улиц Мидлсакс и Брушфилд, а так же со стороны Артиллерийского переулка, на Бишопгейт стали выходить группы людей. Вскоре, весь Бишопгейт заполнила нескончаемая толпа мужчин. Самые опрятные из них носили потрёпанную куртку с кепкой, потёртые штаны и выдавшие виды ботинки. Остальные были одеты куда хуже. Почти в каждом из них безошибочно угадывалась нищета. В толпе шли не только англичане, но ирландцы и шотландцы, а так же немцы, поляки и французы. Но не только. Мимо газетного

ларька прошли две большие группы китайцев и группа индусов ситхов. На принадлежность к ситхам указывал тюрбан на голове и густая борода с усами.

Все эти люди направлялись в доки возле Лондонского моста и на Собачьем острове. Они каждый день трудились в доках, чтобы заработать один единственный шиллинг. Зарплата за месяц составляла от полутора до двух с половиной фунтов. Этого едва хватало, чтобы жить впроголодь. Но у других и этой малости не имелось.

Полная и страшная нищета повсюду. Огромное число проституток и всякого рода снующих сомнительных личностей, готовых ради денег на любые, даже самые жестокие преступления. Именно таким и являлся Ист-Энд: нищий, грязный, безнравственный и безжалостный.

Однако имелись и исключения. Некоторым ремесленникам удавалось жить...бедно. Они могли прокормить свои семьи и даже обеспечивать их всем необходимым. Одним из таких исключений являлась улица, о которой мы уже упоминали. Вернее, она называлась Артиллерийский переулок. Он пролегал восточнее Бишопгейт, между улицами Мидлсакс и Брушфилд. Все они находились на Севере Темзы, и на расстоянии не более одной мили от неё.

Артиллерийский переулок занимает очень важное место в нашей истории, поэтому мы бросим более внимательный взгляд на это тихое местечко и познакомимся с некоторыми его обитателями.

Сам переулок выглядел одинаково с двух сторон, но при этом не совсем обычно. «Не совсем обычно» выразилось в отсутствии тротуаров. Вместо них была возведена каменная изгородь вполтину человеческого роста. В целом, переулок выглядел так: маленькие двухэтажные дома, стоящие в один ряд, и отгороженные от улицы одной общей изгородью. Дворы домов отделялись друг от друга внутренними стенами, тем самым образуя множество крохотных дворишков. Но этого вполне хватало, чтобы стирать и вешать бельё, а иногда даже разжечь костёр и зажарить на нём мясо или рыбу.

Как правило, каждый такой дом принадлежал одной семье. На первом этаже располагался способ заработка. Второй этаж занимала семья. Именно такому расположению обязано появлению весьма красноречивых вывесок, которыми пестрело упомянутое нами ограждение. Наиболее крупные вывески извещали о «Пекарне толстого Тома Конорса» и «Обувной мастерской Бернарда Эмбрана». Оба были не только успешны, но и тесно дружили семьями. Все праздники, Рождество, Новый год, они проводили вместе. Но не только дружба связывала эти две семьи. Они собирались вскоре породниться. Семнадцатилетняя Джанет Конорс предназначалась в жёны девятнадцатилетнему Уильяму Эмбруну. И поскольку речь зашла о будущих супругах, мы постараемся вкратце их описать.

Надо сказать, что работа семьи Конорс самым приятным или неприятным образом отразилась на всех без исключения членах семейства. Как вы могли догадаться, приятными формами они не отличались. Но не будем слишком строги к Джанет Конорс. Это была добрейшей души девушка, и это качество характера с лихвой возмещало любые недостатки внешности. Что же касается отсутствия образования, то в этой части она была равной многим своим сверстницам. Джанет ревностно следила за своим будущим супругом. Более того, она старалась вообще не выпускать его из виду. И тому имелись серьёзные причины. Стоило жениху появиться на улице, как возле него словно ниоткуда возникали соседские незамужние девушки с неотложными вопросами. Все эти вопросы касались...обуви. Уильям вынужден был каждый раз давать разъяснения. Оттого простой поход к торговцу кожей превращался для него в настоящее мученье. Он искренне радовался, когда в такие выходы его сопровождала сестра Аделина. Аделина сразу брала Уильяма под руку и принимала столь угрожающий вид, что никто не решался к ним подойти. Родители Уильяма только улыбались, наблюдая эти картины. Парень-то у них родился на загляденье. Они сами не могли на него нарадоваться. В свои девятнадцать лет он знал обувное дело лучше отца, который занимался им третий десяток лет подряд. Уильям был весьма усидчив и мог создать настоящий шедевр из кусочка кожи. Всё своё свободное время он проводил в мастерской. Он засиживался в ней до самой поздней ночи, стараясь

сшить как можно больше обуви, которую мать с сестрой продавали на рынке Спиталфилдс, что находился в десяти минутах ходьбы к северу от дома. Кроме Уильяма, у четы Эмброн имелось ещё трое детей. Младший, десятилетний сын Джон, который больше всего на свете любил бездельничать и есть булочки с изюмом. Он целыми днями пропадал на улице и всячески избегал посещать мастерскую, куда отец всё время пытался его загнать.

Аделине исполнилось шестнадцать лет. Она во всём помогала матери, и три раза в неделю, а иногда и чаще, ходила с ней продавать обувь, которую шили отец с братом. Вернее излишки обуви, поскольку большую часть своего товара они продавали прямо из мастерской. Девушка отличалась незаурядным умом и редкой сообразительностью.

Старшей дочери Бекке минуло двадцать два года. Она недавно вышла замуж за Джонатана Коулмана, который работал в доках. Родители категорически возражали против этого брака. И причиной возражений являлось вовсе не бедственное положение, в котором находился будущий зять, а неприятные слухи, которые о нём ходили. Временами у него появлялись деньги, и это было очень странно, потому что, те, кто работал в доках, едва сводили концы с концами. Деньги исчезали так же быстро, как и появлялись. Никто не знал, откуда они берутся и куда уходят. Даже жена. Они не раз ссорились с зятем, а потом и вовсе разорвали родственные связи, предупредив дочь, что она всегда может вернуться в родительский дом. Но Бекка пожелала остаться рядом с мужем, которого она беззаветно любила.

Ну и всеобщий любимец семьи – Уильям. Это был красивый, но очень застенчивый юноша. Он краснел всякий раз, когда с ним заговаривала девушка или женщина. Нередко, когда случались такие встречи, сбегал или пытался сбежать. Он смущался, даже когда с ним заговаривала невеста Джанет. А уж когда речь заходила о свадьбе, он и вовсе убегал в мастерскую, а следующие несколько дней не решался даже взглянуть в глаза будущей супруги.

Ну, а теперь самое время познакомиться с мастерской, в которой всё время пропадал Уильям. Взглянем, как она устроена.

Начнём со стеллажей. Они расположены вдоль стен. На одних стеллажах лежит свёрнутая рулонами кожа, меха, ткани в рулонах, баночки с клеем, мотки ниток и прочая мелочь вроде гвоздей и игл. На других – ровные ряды деревянных, мужских и женских, колодок разных размеров. Следует упомянуть о круглых отверстиях в верхней части каждой колодки. Для чего нужны эти отверстия? Обувь собирается на колодке. После того, как она готова, надо как-то извлечь колодку. Именно для этого и нужны отверстия. В него засовывают железный крюк, и с его помощью вытаскивают колодку. Сами крюки размером от десяти до двадцати пяти дюймов висят на стене позади низенького столика с тремя рядами полок. Полки нужны для колодок.

Ручное изготовление обуви состоит из двух основных процессов, каждый из которых состоит ещё из нескольких дополнительных. Сначала из кожи вырезаются нужные части, затем они обтачиваются, склеиваются и сшиваются. Готовая заготовка натягивается на колодку, к которой приклеивается, а зачастую и пришивается подошва.

Для первой части в мастерской имелся высокий стол, поскольку вырезать и склеивать кожу можно только стоя. Из инструментов здесь имелся миниатюрный молоток, ножи, точильный камень, которым всё время приходится пользоваться, и баночки с водой и клеем. Справа от стола, возле окна, стояла ножная швейная машинка, на которой и сшивалась кожа.

Для второй части в мастерской имелся низенький столик с полками, о котором мы уже упоминали. На столе уложены необходимые инструменты: клещи, молоток, ножи, шило, баночка воды для кисточек, баночки с клеем и коробочка с гвоздями.

Осталось бросить короткий взгляд на Уильяма. Прямо сейчас, он работает стоя за столом, по обыкновению склонив голову. В руках у него миниатюрный молоток. Он растягивает край кожи и крепит его маленьким гвоздём к столу. Затем растягивает второй край и тоже крепит его гвоздём к столу. Так же он

поступает с третьим и четвёртыми краями. Для чего растягивать кожу, спросите вы?! Это один из маленьких секретов Уильяма, который мы раскроем позже. А сейчас позволим ему заниматься любимым делом. Это последние спокойные дни в его жизни. Очень скоро всё изменится. И причиной тому будет...обыкновенная обувь.

Глава 7

Старые знакомые

Ратклифф постарел и настолько изменился, что Анна Бишоп не узнала бы его, встретить он на улице. Он тоже её не узнал. Да и не мог узнать. Они встречались лишь дважды шестнадцать лет назад. Сначала Ратклифф отнёсся настороженно к семье Бишоп, но по мере продолжения обеда и беседы, напряжение с его лица постепенно сходило, и он даже улыбнулся. Анна Бишоп всячески подчёркивала своё расположение к Ратклиффу, его супруге и дочери. Она восторгалась блюдами и сожалела, что её повар не столь искусен. Потом восторгалась обстановкой и хвалила вкус леди Ратклифф. В отношении же Абигейл она сочла нужным заявить, что никогда прежде не видела столь милой и очаровательной девушки. Все эти усилия просто не могли не принести свои плоды. Леман со своей стороны многократно усилил приятное впечатление, которое произвела его матушка. Произошло это в конце обеда. Ратклифф извинился перед гостями, сказав, что должен их покинуть ради необходимости встретиться с неким главой банкирского дома.

– Мне время от времени необходимы крупные суммы денег для закупки нужного товара, – пояснил он, собираясь уходить.

Леман сразу предложил свою помощь. При этом совершенно безвозмездно.

– Речь идёт о ста тысячах фунтов! – ответил на это Ратклифф.

– Ну, это же сущие пустяки! – воскликнул в ответ Леман. – Я вполне бы мог одолжить эти деньги, и вам не придётся выплачивать за них проценты.

– Вы шутите? Никто никому не одалживает таких крупных сумм. И уж тем более без процентов.

– Я могу завтра же перевести вам всю необходимую сумму и не возьму ни пенса за использование этих денег, – заверил его Леман. – Вы вернёте мне столько же, сколько и получите.

Ратклифф посмотрел на Анну Бишоп.

– Вы одобряете решение сына?

– Для таких сумм Леману не требуется моё одобрение. У него есть собственное состояние, и он вполне может распоряжаться им по своему усмотрению. Ну, а если говорить в целом о делах, – продолжала Анна Бишоп, располагая к себе семейство Ратклифф всё больше и больше, – меня на данный момент интересуют только внуки.

Её слова вызвали лёгкий смех за столом. Ратклифф попросил продолжать общение, а сам извинился, после чего они с Леманом уехали, чтобы встретиться с тем самым доверенным банкиром Ратклиффа. Следовало уладить формальности связанные с передачей денег. Сам Леман предложил сначала закончить дела, а уж потом продолжить знакомство.

Пока они отсутствовали, Анна Бишоп болтала о всяких разных мелочах с леди Ратклифф и Абигейл. Они обсуждали разные мелочи, но более всего говорили о платьях, и договорились вместе посетить известные Лондонские магазины.

Карл откровенно скучал, слушая эти беседы. Он всем своим видом показывал, что ему здесь делать нечего. По этому поводу леди Ратклифф как бы вскользь заметила, что в ближайшие два дня её младшая дочь Виктория приедет из колледжа домой. К её вящему удовольствию, Карл сразу заинтересовался этими словами. Он стал ненавязчиво расспрашивать про Викторию. На вопросы большей частью отвечала Абигейл. Леди Ратклифф делала вид, будто целиком занята беседой с Анной Бишоп. Она не желала столь явно показывать свои намерения

относительно Карла, оттого и отстранилась от беседы. Но в голове она уже обдумывала будущий брак Виктории с Карлом.

Беседы становились всё более открытыми и душевными. Чему немало поспособствовало возвращение Ратклиффа с Леманом. Они вернулись уже затемно. Ратклифф пребывал в превосходном настроении. Он с удовольствием присоединился к беседе, и не раз лестно отозвался о достоинствах Лемана, чем немало порадовал Абигейл. То и дело она украдкой бросала на него взгляды. Он же вовсе не сводил с неё глаз. Ко времени, когда семья Бишоп засобиравлась уходить, ни для кого не оставалось секретом то обстоятельство, что Леман испытывает влечение к Абигейл.

Леди Ратклифф сообщила, что собирается забрать младшую дочь на один день из колледжа, и предложила Анне Бишоп сопровождать её. Анна Бишоп согласилась с огромной радостью. Это была прекрасная возможность повидать Китти.

– Вы тоже могли бы поехать с нами, – чуть помолчав, добавила леди Ратклифф, обращаясь к братьям Бишоп. Карл сразу согласился. Что же касается Лемана, он смотрел на Абигейл, давая понять, что именно от неё ждёт ответа.

– Я бы тоже хотела повидать Викторию! – вымолвила она.

– Я тоже принимаю приглашение! – радостно сообщил Леман, чем заслужил признательный взгляд Абигейл.

Договорившись встретиться на следующий день, они расстались весьма довольные друг другом.

– Вот уж не думала, что это будет так просто, – сказала сыновьям Анна Бишоп, когда они сели в карету. – Ратклифф заглотил наживку. Теперь мы сможем делать с ним всё, что пожелаем.

В это самое время, Ратклифф с воодушевлением рассказывал о финансовой составляющей семьи Бишоп.

– Банк без единого вопроса принял гарантии мистера Лемана. Он готов мне немедленно выдать полмиллиона фунтов. С такой поддержкой мы удвоили наш капитал к концу года. На одних процентах мы сэкономим уйму денег. Где вы его нашли? – радостно вопрошал он у супруги.

– В парке, – улыбаясь, отвечала леди Ратклифф. – Мистер Леман сделал замечание группе молодых людей, которые вели себя весьма вызывающе, и отчасти причиняли нам беспокойство. В результате, он пострадал, а мы познакомились.

– Удивительно! Просто удивительно! Мистер Леман оказывал внимание Абигейл или мне показалось?

– Не только он один. Миссис Бишоп так же оказывала ей внимание. Она спит и видит будущих внуков. Только о них и говорит всё время. Полагаю, её планы напрямую связаны с нашей дочерью.

Абигейл только успела переводить взгляд с отца на матушку. Разговор принимал именно то направление, которое ей и хотелось. Леман ей нравился. И даже очень нравился. Оттого она даже не стала отнекиваться, когда отец задал ей вопрос относительно возможного брака с ним.

– Прекрасно! Просто прекрасно! – вскричал Ратклифф. – Леман составит тебе блестящую партию. К тому же, мы получим весьма серьёзную поддержку в лице его семьи. – Он внезапно замолчал, а потом устремил странный взгляд на супругу и поинтересовался насчёт Карла.

– Я тоже об этом думала, – улыбаясь, ответила леди Ратклифф. – Заметно, что братья очень дружны между собой. Полагаю, им бы понравилась мысль жениться на сёстрах.

Больше всех остальных обрадовалась этим словам Абигейл. Она обожала сестру. Мысль о том, что и после свадьбы они будут жить в одном доме, привело её в восторг.

– Не вижу никаких препятствий для брака Карла с Викторией, – объявил Ратклифф. – Мы просто обязаны их поженить. Для всей нашей семьи это наилучшее решение. И не стоит медлить. Такие женихи как братья Бишоп будут нарасхват в Лондоне.

- Завтра же познакомлю Карла с Викторией, - пообещала леди Ратклифф, - а ты, - добавила она, обращаясь к Абигейл, - постарайся подвести Лемана к откровенному разговору. Дай понять, что он заслужил твою благосклонность. Ратклифф радовался едва ли не больше всех остальных. Одна мысль о том, что вскоре он сможет безвозмездно распоряжаться крупными денежными потоками приводило его в состояние, близкое к восторгу. В эти минуты он даже представить не мог, что петля на его шее уже затягивается, а супругу с дочерьми ожидает поистине ужасное будущее.

Глава 8

Спиталфилдс

Нет никакой необходимости описывать рынок Спиталфилдс. Он мало чем отличался от прочих рынков. Следует лишь отметить, что львиную долю его рядов занимали продавцы продуктами. Продавцы же прочих товаров располагались в один ряд у самого входа. Именно сюда следующим утром и пришли миссис Эмброн с дочерью Аделиной. Они принесли с собой шесть пар чёрных женских ботинок и выставили их по цене десять шиллингов за пару. Уже в первые два часа им удалось продать четыре пары.

Именно одну из покупательниц этих самых ботинок встретили Джон Фаунторп с миссис Лауп. Они приехали на рынок, чтобы купить одинаковую обувь для своих воспитанниц. Ботинки, которые держала в руках женщина, сразу им понравились своей простотой и изяществом. Они остановили её и забросали вопросами.

- Отличная обувь и очень надёжная, - с видом знатока ответила им женщина, - я всё время покупаю обувь из мастерской Эмброна. Она у них самого лучшего качества и носится очень долго.

Одними ответами женщина не ограничилась и лично проводила их к миссис Эмброн. Она в это самое время продавала последние две пары ботинок.

- А они у вас нарасхват, - улыбаясь, заметил Джон Фаунторп и, приподняв шляпу, представился сам, а потом представил свою спутницу.

Миссис Эмброн лишь развела руками.

- Теперь только через два дня. Не раньше. Мистер...

- Джон Фаунторп. Я являюсь директором колледжа. Мы с миссис Лауп ищем обувь для наших учениц. Сорок пар обуви, если быть точным. Хотели купить у вас, но не повезло. Придётся покупать в другом месте.

- Сорок пар? - изумлённо переспросила миссис Эмброн. - Кто же вам столько продаст?

- Нам нужна одинаковая обувь!

- А размеры тоже одинаковые?

Джон Фаунторп вначале удивлённо уставился на миссис Эмброн, а затем перевёл взгляд на миссис Лауп. Она отрицательно покачала головой, но при этом сочла нужным заметить, что они всегда покупают для воспитанниц обувь одинакового размера.

- Наверняка, они её не надевают, - миссис Эмброн рассмеялась. - Небось, все из дома несут ботинки?!

- И правда, - внезапно осознал Джон Фаунторп, - у всех девушек разная обувь. Размер всему виной?

- А что ещё? - улыбаясь, отвечала на это миссис Эмброн. - Сорок девушек?! У одной может быть маленькая ступня, у другой крупная или широкая. У некоторых имеются шишки возле большого пальца или подтём ноги слишком полный. Да там знаете, сколько всего может мешать ношению обуви? А вы хотите купить сразу сорок пар! Зачем? Если часть из них так и останется стоять на полках?

- И какой же выход? - озабоченно спросил Джон Фаунторп.

- Мерку надо снимать с ноги каждой из ваших девушек в отдельности.

- Вы готовы это сделать?

- За отдельную плату. Сорок пар ботинок по десять шиллингов - это двадцать фунтов. Ещё четыре фунта за обмер ног.

Помедлив, Джон Фаунторп кивнул.

- Но вы сами приедете в колледж и снимите мерки.

- Я не умею. Приедет мой муж.

Слова «мой муж», вызвали праведное возмущение у миссис Лауп.

- Я не позволю, чтобы взрослый мужчина прикасался к ногам наших учениц, - непререкаемым тоном заявила она. - Либо это сделает женщина, либо никто.

Миссис Эмброн растерялась.

- Мы с дочерью не умеем снимать мерки. Этим занимаются мой муж и мой сын.

- Сколько лет вашему сыну? - строго спросила у неё миссис Лауп.

- Девятнадцать!

- Ещё совсем мальчик...хорошо. Пусть приезжает и берёт ваши мерки, - разрешила миссис Лауп. - Но только он один.

Джон Фаунторп облегчённо вздохнул и сразу же обратился к миссис Эмброн.

- Ваш сын сможет посетить наш колледж на следующей неделе?

- Сможет!

- Мы находимся на другой стороне Темзы. Королевская дорога. Женский колледж «Whiteland». Он достаточно известен. Будем ждать вашего сына в следующее воскресенье ровно в полдень. Кстати, как его зовут?

- Уильям. Уильям Эмброн!

- Мы запомним это имя.

Джон Фаунторп с миссис Лауп сразу же ушли, предварительно записав адрес мастерской.

Аделина тут же потянула мать за рукав платья и прошипела прямо в ухо.

- Ты что наделала?! Уильям ни за что на свете не пойдёт. Да он от одной женщины бежит без оглядки, а тут их целых сорок.

Миссис Эмброн устремила взгляд, полный надежды, на церковь Крайстчерч, которая находилась напротив ворот рынка. Одним взглядом она не ограничилась. Она пошла в церковь и повела с собой дочь. В церкви она не преминула поставить свечку, потом долго стояла на коленях и просила Бога повлиять на её сына Уильяма в части касающейся терпения в отношениях с женщинами.

- Бог тебе не поможет! - предупредила Аделина, как только они вышли на улицу. - Уильям сбежит, прежде чем ты успеешь объяснить важность этого заказа.

Точно такого же мнения был и мистер Эмброн. Жена с дочерью рассказали ему обо всём, как только вернулись домой.

- Отличный заказ. Мы хорошо заработаем, если уговорим Уильяма.

- Как же мы его уговорим? - осторожно спросила миссис Эмброн.

- Предоставьте это мне, - улыбаясь, ответил на это глава семейства.

Они втроём спустились в мастерскую. Уильям, как обычно, работал. Младший Джон, как обычно, отсутствовал, хотя отец просил его помочь старшему брату.

Узнав о продаже всех шести пар, Уильям обрадовался. Он и фартинга не попросил для себя. Он никогда не просил денег. Ему просто нравилось и даже очень, что плоды его трудов пользовались спросом.

- У нас есть ещё один важный заказ, - издали начал мистер Эмброн.

- Я всё сделаю, - с готовностью ответил Уильям.

- Сначала надо снять мерку с ноги.

- Мерку? - Уильям насторожился.

- Да. Надо снять мерку с ноги одной женщины. Тебе надо к ней съездить.

Уильям побледнел и, не мигая, уставился на отца.

- Старая, больная женщина. Сама она с трудом ходит. Поэтому приходится ехать к ней домой.

- Я...я не смогу, - запинаясь, ответил Уильям.

- Что ж, придётся ехать мне...через весь город...и ещё там возиться на коленях...с моими больными ногами...

- Нет, нет, - вырвалось у Уильяма, - не надо! Вы отдохните, а я поеду и...и сниму мерку с ноги этой женщины.

- Как скажешь, Уильям!

Глава семейства прихватил жену с дочерью и быстро ушёл, чтобы сын не успел передумать.

– Вам не стыдно обманывать Уильяма? – с возмущением спросила Аделина, как только они поднялись на второй этаж.

– Нет! – отрезал мистер Эмброн.

– А что будет, когда Уильям увидит всех этих девушек? Вы думали?

– Он сбежит из колледжа. И вот тогда туда поеду я и принесу извинения. А заодно и сниму мерки с ножек молоденьких девиц, – он, было, заулыбался, но заметив взгляд супруги, тут же захлопнул рот.

Глава 9

Знакомство с кузинами

Обе семьи, за исключением Ратклиффа, прибыли в колледж далеко за полдень. Спустя несколько минут появилась Китти. Она весьма холодно поздоровалась со всеми и со свойственной ей прямоотой спросила о причинах посещения столь уважаемого собрания.

– Это моя племянница, Китти! – представила её леди Ратклифф. А ей в свою очередь представила членов семейства Бишоп.

– Эти господа – Китти указала рукой на Лемана и Карла, – собираются просить моей руки или руки Виктории? – спросила она, чем едва не отправила в обморок леди Ратклифф. Абигейл тоже покраснела. Они обе бросали выразительные взгляды на Китти, но ей всё было нипочём.

– Если вы, тётушка, решили выдать меня замуж, то напрасно. Никто из этих джентльменов мне определённо не подходит. Они выглядят слишком хорошо для такой бедной девушки как я.

Анна Бишоп с неё глаз не сводила. Это была та самая Китти, которую она держала на руках и ублаживала много лет назад. Теперь перед ней стояла взрослая девушка. Гордая и сильная. Она не стала частью этого отвратительного семейства. Неожиданно и для себя, и для Китти, да и для всех остальных, она обняла её со словами:

– Надеюсь, ты и мне станешь дочерью!

– Не стану! – отступая на шаг, насмешливо ответила Китти. – Вы не в моём вкусе в отношении разных там матушек.

– Китти! – одёрнула её леди Ратклифф. – Веди себя подобающе с нашими уважаемыми гостями.

– Для подобающего поведения у вас имеются дочери.

Китти насмешливо поклонилась и, не прощаясь, удалилась.

Братья Бишоп отошли, чтобы обсудить эту девушку.

– А она с огоньком! – сказал Карл так, чтобы его слышал только брат. – Что ты о ней думаешь?

– Жалею, что не она дочь Ратклиффа, – в тон ему ответил Леман. – Я бы с ней с удовольствием повоевал.

– Я тоже!

В это время появился Джон Фаунторп. Он радушно приветствовал всех гостей, и в особенности Абигейл.

– Ты только взгляни, да он её глазами пожирает! – прошептал Карл на ухо брату. – Да этот прыщавый директор по уши влюблён в твою будущую супругу.

– Его ждёт большое разочарование!

Леман подошёл и поздоровался с ним. А затем с показной нарочитостью бросил нежный взгляд на Абигейл. Бедного директора этот взгляд, несомненно, расстроил. У Лемана не осталось сомнений насчёт его истинного отношения к Абигейл.

– Виктория скоро придёт. Она на уроке географии. Могу я предложить вам по чашке чая? – Джон Фаунторп обращался ко всем, но смотрел только на Абигейл.

– Благодарю вас! – отвечала на это леди Ратклифф. – Но мы здесь по другой причине. Нам бы хотелось, чтобы Виктория этот день провела дома. С вашего позволения, разумеется.

– Конечно, конечно, – сразу ответил Джон Фаунторп. – Вы прямо сейчас можете её забрать при условии, что она вернётся утром к началу уроков.

– Я позабочусь, чтобы Виктория не опоздала! – пообещала леди Ратклифф.

Разговор продолжился, но большей частью между Абигейл и Джоном Фаунторп. Они оба любили искусство, и оттого с лёгкостью обсуждали работы известных художников.

Леди Ратклифф завязала разговор с Анной Бишоп. Братья остались в одиночестве и снова отошли в сторону, чтобы никто не слышал их разговор.

– Скукота невыносимая! – Карл несколько раз зевнул, но так и остался с раскрытым ртом.

– Десять тысяч фунтов! – прошептал ему на ухо Леман.

– За что? – удивлённо спросил Карл.

– За Викторию! – последовал ответ.

Карл проследил взгляд брата. Виктория в этот самый миг подошла к леди Ратклифф. Она обняла дочь. Следом Виктория попала в объятия сестры.

Последней её обняла Анна Бишоп. Она о чём-то заговорила, бросая выразительные взгляды на своих сыновей.

– Пойду зарабатывать свои десять тысяч фунтов! – вздыхая, пробормотал Карл, и направился к матери. Леман последовал за ним, призывая себя вообще не смотреть на Викторию. В противном случае, он мог задеть чувства Абигейл. Но Виктория ему понравилась. Очень понравилась. Он уже решил, что она будет принадлежать ему первому.

Виктория отвечала на все вопросы, которые задавала Анна Бишоп, но сама с ней не осмеливалась заговорить. Когда подошли Карл и Леман, она едва смогла ответить на приветствие. Виктория загнулась и покраснела, чем откровенно насмешила обоих братьев, но они не подали виду. И наоборот. Они отнеслись к ней со всем уважением и затронули несколько приличествующих случаю тем. Но... Виктория всё время смущалась и отвечала сбивчиво. Поэтому беседа не состоялась. Это обстоятельство никак не помешало всем вместе, дружно отправиться в гости к Ратклиффам, где должен был произойти весьма серьёзный разговор.

В это самое время Вебер ехал в район Сохо. Там, в одном из домов, его ждало важное дело.

В холле его встретила горничная и сразу проводила в кабинет к мистеру Брадшо. Мистер Брадшо находился в ужасающем состоянии. Он весь дрожал и крупными глотками пил вино.

– У меня нет денег, – завидев гостя, с отчаянием выдавил он. – Я не могу расплатиться с вами.

– Мне это прекрасно известно. Мне известно, что вы полностью обанкротились. Очень скоро вы отправитесь в тюрьму, а ваша семья останется без средств к существованию. Но этого не произойдет, если вы будете выполнять мои указания.

– Вы готовы...одолжить мне деньги? – бедняга Брадшо не мог поверить, что на его голову свалилось такое счастье.

– Я готов их вам одолжить, – подтвердил Вебер, – но при определённых условиях.

– Я согласен на всё, – вскричал, вскакивая с кресла, мистер Брадшо. – Только спасите меня от этого позора!

Вебер вытащил из внутреннего кармана пальто увесистую пачку ассигнаций и положил их на стол.

– Здесь пять тысяч фунтов. Вы немедленно навестите своих кредиторов и рассчитаетесь со всеми долгами. Каждому, каждому из них рассказывайте, что вкладывали деньги в ткани. Говорите о том, что ждёте в ближайшее время крупную партию муслина из Сирии. Этого пока достаточно. Я вскоре вас снова навещу и объясню, что делать дальше, а заодно и снабжу деньгами. Как ими

распорядиться, тоже подскажу. Сделаете всё правильно, избавитесь от всех неприятностей и даже станете богатым человеком. Оставив деньги, он ушёл. Вебер выполнил поручение Анны Бишоп, но его грыз червь сомнений. Если б речь шла только о наказании Ратклиффа, он бы не стал сомневаться. Но будущая участь его дочерей не могла оставить его равнодушным. Он не мог стать частью столь ужасного преступления. Вебер вернулся и во всех подробностях сообщил о встрече с Брадшо. Затем коротко сообщил о своём отъезде.

– Я не стану вредить ни Абигейл, ни Виктории. Сегодня я уезжаю домой, в Новый Орлеан.

– Как угодно! – равнодушно ответила Анна Бишоп. – Но работать у нас вы больше не будете.

– Я бы и не смог работать у такой женщины как вы!

Не попрощавшись, Вебер уехал.

Глава 10

Сватовство

Дома, улучив минутку, Абигейл утащила сестру в свою комнату, чтобы поделиться с ней радостными новостями.

– Меня собираются выдать замуж за Лемана, а тебя за Карла. Мы с тобой будем жить в одном доме и после замужества, – одним махом сообщила она.

– Хорошо, – только и ответила Виктория, но сестра не собиралась так быстро отступать. Она забросала её вопросами, цель которых состояла в том, чтобы выяснить истинное отношение к Карлу. Виктория мало что могла сказать по этому поводу, поскольку видела его впервые и пробыла рядом с ним совсем недолго.

Тем временем, внизу происходил весьма важный разговор между Анной Бишоп и четой Ратклифф. Все шло очень хорошо. По крайней мере, с точки зрения четы Ратклифф. Разговор за столом принимал всё более доверительный тон до того самого момента, пока Анна Бишоп с восторгом не отозвалась об Абигейл с Викторией.

– Чудесные девушки. Именно о таких супругах для своих сыновей я всегда мечтала.

Анна Бишоп сразу же попросила прощения у четы Ратклифф.

– Понимаю, в Лондоне не принято столь явно выражать свои желания, но они мне так понравились, что я просто не смогла удержаться.

Чета же Ратклифф пришла в восторг. Главное было сказано, и они не собирались оттягивать откровенный разговор. Тем более что им совершенно определённо заявили о своих намерениях.

– В наше время так сложно подыскать достойную партию, – многозначительно улыбаясь, сказала леди Ратклифф.

– Мы с вами думаем одинаково, дорогая моя, – так же улыбаясь, ответила Анна Бишоп. – Мои сыновья в восторге от ваших дочерей. Думаю, не одна я это заметила. Остаётся узнать ваше мнение по этому поводу.

Анна Бишоп устремила на супругов выжидательный взгляд.

– Какого рода ответа вы от нас ждёте? – осторожно поинтересовался сэр Ратклифф.

– Полагаю, вам с супругой известен ответ. Не буду от вас скрывать, мне они тоже понравились, – продолжала Анна Бишоп, – я воспользуюсь возможностью, и прямо сейчас попрошу руку Абигейл для моего сына Лемана, и руку Виктории для моего сына Карла. У каждого из них имеется состояние в пятьсот тысяч фунтов. В качестве свадебного подарка я намерена удвоить эту сумму. Если у вас есть беспокойство по поводу нашей семьи, я готова его рассеять с полной откровенностью ответив на любые вопросы. Если у вас есть сомнения, мы с должным уважением отнесёмся к ним, и никогда более вас не побеспокоим. Но

если вы окажете честь нашей семье, мы будем всегда помнить ваше великодушие, и никогда не сделаем ничего, что заставило бы вас сожалеть о своём выборе. Закончив говорить, Анна Бишоп улыбнулась и сделала рукой лёгкий жест в сторону четы Ратклифф, предлагая тем самым ответить на предложение. Ратклифф больше для вида посмотрел на супругу. Помедлив, она наклонила голову.

– Мы с супругой одобряем эти браки. Более того, мы рады вашему предложению. Ваши сыновья и нам понравились. Но для окончательного ответа нам необходимо поговорить с дочерьми. Думаю, это можно сделать в присутствии вашей семьи. Леди Ратклифф поднялась и ушла к дочерям.

– Тебе понравился Карл? – в это время продолжала настойчиво выпытывать Абигейл.

– Если он понравился нашим родителям, я его тоже люблю, – отвечала Виктория.

– Он нам понравился! – в комнате появилась леди Ратклифф. Она слышала последние слова младшей дочери. – Мы рассчитываем, что ты со всей любезностью примешь ухаживания Карла.

– Неужели? – Абигейл затаила дыхание в ожидании ответа.

Леди Ратклифф кивнула, подтверждая её догадку.

– Только что миссис Бишоп вполне определённо дала понять, что хочет видеть тебя супругой Лемана, а Викторию – супругой Карла.

Абигейл прижала руки к груди и радостно засмеялась. Виктория никак не отреагировала на эту новость.

– Вы рады? – лукаво улыбаясь, спросила леди Ратклифф.

Абигейл сразу кивнула. Чуть погодя кивнула и Виктория.

– Вот и прекрасно. Сейчас ваш отец разговаривает с миссис Бишоп. Полагаю, они обсуждают дату помолвки. Переодевайтесь и спускайтесь вниз. Вам надо познакомиться со своими женихами. Наедине. Лучше в саду. Но далеко не уходите, уже начинает темнеть.

После ухода матери Абигейл схватила за руки Викторию и закружилась вместе с ней по комнате.

В отличие от сестры, Виктория не испытывала особого восторга. Она просто знала, что обязана полюбить Карла, потому что его для неё выбрали родители. Четверть часа спустя в гостиной состоялся очень короткий, но весьма торжественный разговор. Абигейл и Виктория дали своё согласие на брак в присутствии родителей и теперь уже будущих супругов и будущей свекрови. После чего, и с разрешения родителей, Леман ушёл под руку с Абигейл, а Виктория с Карлом.

Позже, когда они вернулись домой, Анна Бишоп спросила сыновей, какого они мнения о своих будущих жёнах.

– Я недоволен, – во всеуслышание заявил Леман. – Карлу досталась Виктория. Она куда красивей своей старшей сестры.

– Я бы с радостью поменялся супругами, – с недовольством ответил на это Карл, – более бездарной девушки, чем Виктория и представить невозможно. В ней нет и малейшего намёка на ум или что-то похожее. Глупая невежественная кукла. Она всё время спотыкалась и соглашалась со всем, что я говорил. Только кивала и говорила «да», «хорошо». Если б я предложил ей переспать, она бы тотчас же разделась и легла прямо на землю. Покладиста до отвращения. Как думаю о ней, сразу тошнота подступает к горлу. Я выброшу её в тот же день, когда рассчитаемся с её отцом. Или Леману отдам. Пусть пользуется...

– Я ещё и приплачу тебе десять тысяч фунтов! – ответил на это Леман, после чего оба брата разразились хохотом.

– Попридержите свои желания, – одёрнула их Анна Бишоп. – Ты, Карл, завтра отправившись в тот самый колледж, где учится Виктория, и вручишь ей букет цветов. При всех вручишь. Пусть видят, что ты со всей нежностью относишься к своей будущей супруге. Леман отправится в дом этого негодяя, и попросит Абигейл показать ей Лондон. Помни, она любит всякие известные места и музеи... Леман поморщился.

– Да. Тебе придётся сделать вид, будто они и тебя интересуют. И не вздумайте меня подвести. До конца этой истории вы ни одного повода не должны дать для сомнений. Не забывайте, скоро у вас состоится помолвка! Кроме того у нас есть ещё мистер Брадшо.

Будем его держать про запас. Возможно, его услуги и не понадобятся. Наши дела идут на редкость хорошо. Скоро мы заполучим дочек этого негодяя.

Глава 11

Назад в мастерскую

Этим вечером семьи Эмброн и Коннорс собрались вместе, чтобы поговорить о предстоящем браке Уильяма с Джанет. Всё уже было давно решено. Оставалось лишь определиться с датами помолвки и свадьбы.

Всё бы хорошо, да только Уильям отсутствовал. Узнав о цели ужина, он ушёл в мастерскую и, несмотря на все уговоры родителей, наотрез отказывался приходить. Под конец терпение главы семейства лопнуло. Он спустился в мастерскую и набросился на сына с гневными упрёками:

– Да что здесь такого? – кричал он на Уильяма. – Джанет скоро станет твоей женой. Ты и после свадьбы будешь от неё бегать?

– Я не могу... – смущённо пробормотал Уильям. – Вы...без меня...решайте...

– Без тебя?! – гневно спросил отец. – И как же мы решим без тебя? Ты должен дать согласие на свадьбу в присутствии нас всех.

– Я так его дам...без присутствия...

– Без присутствия?! А жить с женой ты тоже будешь без присутствия? А может, и детей заведёшь без присутствия?

– Оставь Уильяма! – попросила миссис Эмброн и тут же многозначительно добавила: – У него завтра тяжёлый день. Пусть съездит, снимет мерки, а потом мы снова соберёмся и решим с датой.

Супруг вынужден был согласиться. Действительно, следующий день обещал стать для сына весьма не простым.

– Завтра вечером мы снова соберёмся. А если ты снова откажешься, я за шиворот отволоку тебя в дом Тома и заставлю при всех дать своё согласие, – пригрозил он напоследок.

Едва родители ушли, как появился мальчуган лет десяти с кудрявой рыжей шевелюрой.

– Ули, – именно так называл Джо брата, – хочешь, я женюсь на Джанет?

– Я тебе покажу «женюсь», – откуда-то из-за двери раздался голос матери. – Иди мыть руки. Мы скоро сядем за стол.

– Я тебя не дам в обиду, – с важным видом бросил Джонни, прежде чем последовать совету матери.

Уильям несколько раз тяжело вздохнул, а чуть позже взял со стеллажа большой кусок кожи и расстелил на столе. Затем снял со стены одну из форм, которая была сделана из нескольких слоёв плотной бумаги, и положил её на самую нижнюю часть кожи. Затем взял в руки нож и, держа его почти вертикально, начал обводить форму. Спустя минуту он вырезал форму и положил её справа от себя. Одна за другой детали из кожи будущих женских ботинок ложились друг на друга. Закончив вырезать, он вернул остатки кожи на стеллаж, затем достал из-под стола кусок мрамора и положил его на стол. Следовало очистить края некоторых деталей кожи шириной не более чем в треть дюйма. Именно этим он и занялся. Детали ложились на мрамор. Держа нож почти горизонтально, он срезал края кожи ровно наполовину, затем смазывал очищенную часть клеем и раскладывал по всему столу, чтобы они быстро просушились. То и дело ему приходилось прерываться от работы и тревожно прислушиваться. Сверху раздавались возмущённые голоса. Более всех остальных злился дядюшка Том, отец Джанет.

– Да сколько можно бегать от невесты? – кричал он так громко, что его слова наверняка слышали и на улице. – Я понимаю, что парень скромный...но не до

такой же степени?! Даже маленький Джонни готов жениться, а этот носа не показывает. Как мы их вообще поженим?

Слушая эти крики, Уильям постоянно менялся в лице. Он сам десятки раз призывал себя пойти наверх, но никак не мог этого сделать. Ноги словно окаменели и могли передвигаться только в пределах мастерской. Заслышав шаги, Уильям быстро взял в руки деталь и, положив её на мрамор, стал очень тщательно постукивать молотком, загибая очищенный и проклеенный край.

– Уильям!

Заметив сестру, Уильям облегчённо вздохнул и отложил деталь в сторону, не замечая, что правый край так и остался не загнутым.

– К тебе идёт Джанет...с отцом!

Уильям подтянул деталь обратно, и начал тщательно рассматривать торчащий уголок, словно собирался создать из него некий шедевр.

– Уильям!

Уильям отскочил назад, и ударился спиной об стену. На пол посыпались формы. В мастерской появился Том Коннорс с дочерью Джанет.

– Завтра вечером мы вернёмся. Если ты не придёшь, мы все спустимся в мастерскую и не уйдём, пока не услышим твой ответ.

– А я принесу булочек с изюмом, которые тебе нравятся...бесплатно, – подала голос Джанет.

– Спа...сибо, – пролепетал Уильям и почему-то засунул молоток за пояс.

Том Коннорс подошёл и похлопал его по плечу.

– Я тебя понимаю. Ты нам уже сын. Заходи в любое время. Я сам накормлю тебя булочками с изюмом. А если не придёшь ты, мы сами придём...завтра, – ещё раз похлопав его по плечу, он подал знак дочери. Джанет подошла и, поднявшись на носки, поцеловала Уильяма в щёку. После чего отец с дочерью ушли.

Уильям стал совсем красного цвета и не смел глаз поднять на сестру.

– Чёрт, Уильям! Тебе радоваться надо, а ты стоишь с таким видом, будто совершил непростительную ошибку!

Бросив эти слова, Аделина забралась на стол и устремила на старшего брата весёлый взгляд.

– Тебе нравится Джанет?

Уильям утвердительно кивнул.

– Тогда чего же скромничать? Сам бы её поцеловал. Она же скоро станет твоей женой.

– Не могу, – выдавил из себя Уильям. – Мне...стыдно...

– А ей совсем не стыдно. Ни ей, ни её отцу. Ещё бы, такого красавца отхватили. Ты вообще знаешь, что о тебе говорят соседские девушки?

– Нет...

– Хочешь послушать?

– Нет!

– Они просто мечтают остаться с тобой...наедине...

Уильям вскинул на сестру испуганный взгляд. Она расхохоталась.

– Тебе ничего не грозит, – сквозь смех весело пробормотала Аделина. – Джанет со своей матушкой уже устроили по этому поводу несколько скандалов. Они всех предупредили, чтобы к тебе даже близко не подходили. Тебя бдительно охраняют, Уильям.

Она снова залилась было смехом, но увидев входящую мать, быстро захлопнула рот.

– Уильям, мой дорогой! Не обращай внимания на отца и дядюшку Тома, – миссис Эмброн обняла сына и несколько раз погладила по голове. – Они просто шутят. Никто не заставит тебя делать что-то против твоей собственной воли. Забудь обо всём и помни только о том, что тебе предстоит завтра снять мерки...я хотела сказать мерку. Это очень важный заказ. Мы хорошо заработаем. Если...если возникнут...непредвиденные обстоятельства, не уходи,...будь терпелив. Хорошо?

Уильям утвердительно кивнул головой.

– А теперь можешь продолжать работать. Мы с твоей сестрой уже уходим.

Подхватив под руку Аделину, миссис Эмброн вывела её из мастерской.

– Ты поступила даже хуже дядюшки Тома. Ты обманываешь Уильяма, – сочла нужным сказать Аделина.

– А что сделал дядюшка Том?

– Заставил Джанет поцеловать Уильяма!

– Заставил?! Да она спит и видит, как оказаться в постели Уильяма.

– А ты только и думаешь о том, как не позволить отцу снимать мерки с ног молоденьких девушек, – парировала Аделина.

Глава 12

Всё совсем иначе

Подруги всё время забрасывали Викторию вопросами. Слухи о том, что она скоро выйдет замуж, мгновенно распространились по всему колледжу. Все, включая миссис Лауп, хотели узнать подробности. Но Виктория в ответ на все вопросы лишь застенчиво отводила взгляд. Она выглядела счастливой и всё время радостно улыбалась, из чего все сделали вывод, что она влюблена. Вскоре, все увидели и предмет её обожания. Узнав о неожиданном посетителе, девушки бросились к окнам и стали свидетелями очень трогательной сцены. Прекрасно одетый молодой человек в присутствии миссис Лауп дарил Виктории букет цветов. Чуть позже, опять же в сопровождении миссис Лауп, будущая супружеская чета вошла в здание колледжа, а затем вышла на задний двор. Туда же помчались все ученицы. Занятия отложили до самого обеда по причине того, что с них должны были снять мерки для будущей обуви, поэтому они могли сполна удовлетворить своё любопытство, наблюдая за прогулкой Викторией и мистера Карла Бишоп, как называла его миссис Лауп.

В то самое время, когда Карл Бишоп дарил цветы Виктории, из дома вышел Уильям. За плечами у него висела сумка, в которой лежали сорок листов бумаги, несколько карандашей и обувная линейка, которая представляла собой кожаный ремешок шириной в полдюйма и длиной в двадцать дюймов. Уильям сделал её сам. Для обхвата ноги кожа подходила наилучшим образом. Она была достаточно твёрдой и при этом изгибалась с лёгкостью, которая позволяла быстро проводить любые обмеры.

Уильяма озадачило такое большое количество бумаги. Всегда хватало одного листа. Но матушка настояла, а он не стал возражать.

Обычно он избегал выходить на Бишопгейт, поскольку рисковал столкнуться с женщинами лёгкого поведения. Но на сей раз пришлось изменить правилам. Путь до колледжа был совсем не близкий. Следовало нанять извозчика. А сделать он это мог только на Бишопгейт. Уильяму так и не удалось избежать нежелательного внимания. Его заметили сразу несколько девиц. То и дело раздавались крики.

– Хочешь со мной в постель?

– Такого красавчика мы обслужим бесплатно!

– Небось, ещё девственник?! Денег с тебя не возьму, а мужчиной сделаю.

К тому времени, когда Уильям остановил извозчика, он весь вымок от пота. Облегчение наступило, когда они въехали на Лондонский мост. Как он полагал, самое тяжелое испытание осталось позади.

Время в пути он посвятил мыслям об изменениях, которые намеревался произвести в мастерской. Следовало придумать новые модели женских ботинок. А заодно и попробовать изготовить мужскую обувь. К ним в мастерскую нередко приходили мужчины, но уходили ни с чем, потому что они не шили мужскую обувь. Уильям собирался всё изменить. Кроме всего прочего, разговаривать с мужчинами было куда проще, чем с женщинами. Он просто не знал, куда деться от этого постоянного внимания к себе. Оно ему не нравилось, раздражало и пугало.

– Мы прибыли на место!

Уильям не сразу осознал, что эти слова были предназначены только для его ушей. Извозчику пришлось повторить. Уильям расплатился.

Оказавшись на тротуаре, он с удивлением узрел перед собой красное здание в три этажа с весьма красноречивой вывеской.

– Колледж?! – удивлённо пробормотал он под нос. – Матушка рассказывала про дом.

Он беспомощно огляделся по сторонам, но ничего похожего на дом поблизости не увидел. Пока он прикидывал в уме, как ему поступить, из дверей этого самого колледжа вышла пожилая женщина в чёрном платье с высоким воротником, и направилась прямо к нему.

– Кто вы такой? – приблизившись, в упор спросила она.

– Что? – растерянно переспросил Уильям.

– Назовите ваше имя! – потребовала миссис Лауп.

– Уильям...Эмброн...

– Мы вас ждали, мистер Эмброн. Следуйте за мной!

Миссис Лауп развернулась и направилась туда, откуда и появилась.

«Видимо, это и есть та самая больная женщина», – решил Уильям и молча последовал за ней.

Миссис Лауп провела Уильяма в кабинет директора. Уильям был так поглощён предстоящей работой, что не заметил любопытный взгляд. Но его заметили. Как только Уильям с миссис Лауп скрылся за дверью, в коридоре мелькнуло девичье платье, а спустя минуту на лужайке раздался радостный визг.

– У нас в колледже такой красавчик...

– Где? Где? Где? – раздалось со всех сторон.

– В кабинете директора!

Все девушки тут же побросали свои дела и устремились в здание.

В кабинете же директора происходил весьма примечательный разговор.

– Здесь нам не удастся снять мерку, – говорил Джон Фаунторп.

– Места не хватит, – соглашалась миссис Лауп.

– Как же не хватит? – спрашивал Уильям, оглядываясь по сторонам. – Здесь его вполне достаточно.

Но его никто не слушал. Зато он сам слушал. И слушал с заметным удивлением.

– Классы тоже маленькие, – говорил Джон Фаунторп.

– Маленькие! – соглашалась миссис Лауп.

– Остаётся лужайка!

– Лужайка не подойдёт.

– И как же нам поступить?

– Пусть в часовне меряет. Там самое место для подобных деяний. Я имею в виду мысли о Боге, которые заменят все прочие мысли, – пояснила миссис Лауп.

– Хорошо, – согласился Джон Фаунторп. – Проводите мистера Эмброна в часовню и известите всех.

Как ни странно, слово «часовня» даже успокоило Уильяма. Он не понимал, зачем нужно мерить ногу в часовне, когда это можно сделать прямо здесь, тем не менее, остался доволен решением. Присутствие Бога всегда действовало на него умиротворяюще.

В сопровождении миссис Уильям отправился в противоположное крыло здания, где часовня и находилась. Ни он, ни она не замечали полуоткрытые двери.

Оставив Уильяма перед дверями часовни, миссис Лауп пошла за воспитанницами.

Он же взялся за ручку двери, собираясь войти внутрь.

Глава 13

В часовне

Виктория больше часа молилась в часовне. Она пришла сюда сразу после того, как проводила Карла Бишоп. Ей хотелось поблагодарить Господа за стол

прекрасный подарок. Карл был очень добр, обращался к ней со всей уважением и...всегда улыбался. Именно ей, ей одной улыбался. Виктория благодарила Господа и родителей. Она радовалась и чувствовала себя бесконечно счастливой. Но ровно до того времени, пока не отворилась дверь и в часовню не вошёл незнакомый молодой человек с сумкой за плечом.

В одно мгновение всё вокруг остановилось, замерло. Сердце Виктории сначала дёрнулось, а потом рванулось вперёд с такой силой, что у неё на глазах выступили слёзы. Возникло неудержимое желание броситься к нему, обнять и никогда не отпускать от себя.

Не замечая своих слёз, она бросилась прочь, желая избавиться от этого наваждения.

Несколькими минутами позже в часовню в сопровождении миссис Лауп вошли все воспитанницы, за исключением Виктории.

Уильям с откровенным удивлением следил за этой процессией. Как ни странно, в этот миг у него даже мысли не появилось сбегать отсюда. Он не сделал этого даже тогда, когда миссис Лауп объяснила, что мерки необходимо снять со всех учениц.

Миссис Лауп всё время подозрительно косилась на Уильяма. Ей не нравилось, что он смущается. И было отчего. Девушки с откровенным любопытством его рассматривали и тихо хихикали под нос.

- Вы действительно умеете снимать мерку? - с подозрением осведомилась миссис Лауп.

- Девять с половиной дюймов.

- Что, простите?

- Длина вашей ступни.

- Как это вы, не меряя, определили?

Уильям встал перед миссис Лауп на колени, положил сумку на каменный пол, а следом выудил оттуда свою линейку. А потом попросил миссис Лауп снять правый туфель и приподнять край платья. Миссис Лауп с подозрением, но без излишних вопросов последовала указаниям Уильяма. Уильям протянул линейку вдоль ступни, зажал отметку, на которой она заканчивалась, а потом показал миссис Лауп. Действительно, отметка находилась напротив цифры девяти с половиной дюймов.

Миссис Лауп бросила на Уильяма восхищённый взгляд.

- Я могу безошибочно определить размер любой ноги, но для уверенности всегда приходится делать обмер. Так мы избежим ненужных ошибок.

- Что надо делать?

- С каких девушек надо снять мерки? - в свою очередь спросил Уильям.

- Со всех сорока.

- Здесь тридцать девять!

- И как это вы так быстро сосчитали? - миссис Лауп повернулась и сама всех пересчитала. - Правильно. Тридцать девять. Кто отсутствует?

- Виктория Ратклифф! - раздалось сразу несколько голосов.

- Приведите её. А вы говорите, что делать, - последние слова были адресованы Уильяму.

Уильям положил один листок отдельно и указал на него рукой.

- Пусть каждая девушка подходит, называет своё имя и кладёт правую ногу без туфли на этот листок. Надо ещё совсем немного приподнять край платья.

- Сколько времени займёт обмер? - озабоченно спросила миссис Лауп.

- Три четверти часа.

- Так быстро?! - поразила миссис Лауп и тут же обратилась к воспитанницам, предлагая им выполнить указания мистера Эмбрана.

Первой вызвалась Китти Фелбс.

- Не каждый день приходится видеть такого красавчика у своих ног, - под смех подруг, она сняла правую туфлю, поставила её на бумагу, а затем почти до колена задрала платье.

- Ведите себя прилично мисс Китти! - одёрнула её миссис Лауп.

– А я веду себя прилично, иначе бы спросила имя молодого человека. Кстати, как вас зовут?

– Уильям...

– Прекрасное имя. Вы мне нравитесь. Пожалуй, я бы даже согласилась стать вашей супругой, – задиристо бросила Китти, чем совсем смутила Уильяма и заслужила очередной упрёк от миссис Лауп. Вряд ли она подозревала, что Китти говорила серьёзно. Ей понравился Уильям. Очень понравился.

Уильям со всей возможной скоростью обвёл её ступню карандашом. Потом попросил приподнять пятку. Как только Китти это сделала, он подsunул под пятку свою линейку и наискось обмерил расстояние от пятки до выемки на щиколотке. На этом всё и закончилось. Китти с откровенным разочарованием убрала ногу, а Уильям записал её имя и размеры рядом с изображением стопы. Такая сноровка вызвала разочарование и среди остальных девушек. Некоторые из них откровенно любовались молодым человеком. Но он никого не замечал. Он не замечал даже самого себя и собственного поведения. Его движения выглядели уверенными и ловкими. Если он и поднимал голову, то только для того, чтобы украдкой взглянуть в сторону Китти, которая всё время ему открыто улыбалась. Как и обещал Уильям, ему удалось справиться за три четверти часа. Он записывал последний размер, когда на чистый лист бумаги легла ещё одна ступня, и дрожащий голос произнёс два слова:

– Виктория Ратклифф...

Уильям даже голову не поднял. Когда он коснулся своей рукой её ступни, Викторину захлестнула волна счастья. Но уже в следующее миг в её душе возникла страшная пустота. Она услышала голос одной из подруг:

– Он глаз не сводит с Китти!

Она решилась посмотреть на Уильяма. Он в этот миг действительно смотрел на Китти. К горлу поступил комок. Она убрала ногу и, забыв надеть туфлю, бросилась вон из часовни.

– Мисс Ратклифф! – окликнула её мисс Лауп, но Виктория уже исчезла из виду.

– Кузина не выносит внимание даже таких красивых молодых людей, как Уильям!

– под смех воспитанниц насмешливо бросила Китти. – Мы передадим ей туфлю со словами сочувствиями. А вас, Уильям, мы будем ждать в любое время.

Обязательно приходите!

– Мисс Фелбс, вы переходите все границы! – заявила миссис Лауп. – Мистер Фаунторп будет немедленно извещён обо всём.

– Через две недели все ботинки будут готовы, – пробормотал Уильям и поднялся. В этот миг он снова встретился взглядом с Китти. Она определённо показывала ему своё расположение. Уильям поспешно опустил на колени и начал лихорадочно засовывать листы в сумку.

Наскоро попрощавшись, он бегом покинул часовню. Девушки вышли на задний двор и начали бурно обсуждать неожиданный роман между Китти и башмачником.

Особенно всех интересовало, как поступит Уильям. Примет ли он приглашение Китти? Придёт ли снова в колледж?

Виктория пряталась за углом здания и слышала каждое слово. Она плакала не переставая. Она не знала, почему плачет, но никак не могла остановиться.

Глава 14

Перемены

Уильям вернулся домой и сразу пошёл в мастерскую. Здесь он положил сумку на стол и начал вытаскивать листы с обмерами. Тридцать девять из них легли на край стола, а одну он положил прямо перед собой и очень долго на неё смотрел. Он вёл себя так тихо, что родители с сестрой не сразу догадались о его приходе.

А догадавшись, сразу спустились в мастерскую. Уильям их даже не заметил. Он выглядел молчаливым и подавленным. Все трое решили, что это состояние

связано с некоторыми неприятными событиями, связанными с посещением колледжа.
– Уильям, мы все хотели сделать как лучше, – с молчаливого поощрения мужа, осторожно заговорила миссис Эмброн. – Но больше такого не будет никогда. Все мерки с женщин будет снимать твой...

– Я снял мерки! – ответил на это Уильям.

Все трое удивлённо переглянулись. Общее удивление выразила миссис Эмброн.

– Как снял? С кого снял?

– Со всех сорока девушек. За час управился! – Уильям указал правой рукой на стопку бумаг.

Отец, не доверяя словам сына, подошёл и сам всё посмотрел. Действительно, это были размеры женских ног. Он сначала развёл руками, а потом кивнул.

– Чего же ты так расстроен? Это же прекрасно, – воскликнула миссис Эмброн. – Уильям, ты...

– А вот вы где!

На пороге появился Том Коннорс с дочерью Джанет.

– Прекрасно. Мы снова собрались вместе и никуда не уйдём, пока Уильям не подтвердит своё согласие на брак. – Том Коннорс подвёл Джанет к Уильяму. – Скажи моей дочери и всем нам, что ты согласен взять её в жёны.

Уильям промолчал. Тогда родители с сестрой начали его уговаривать, призывая не скрывать свои чувства и, открыто обо всём сказать. К уговорам присоединились и Том Коннорс со своей дочерью, но безо всякого успеха.

Уильям так ничего и не ответил, тем самым сильно разозлив отца.

– Хорошо! Не хочешь говорить, не надо. Мы с Томом сами всё решим и назначим день вашей свадьбы с Джанет. Через...

– Нет!

Все затихли и устремили удивлённые взгляды на Уильяма.

– Нет! – ещё более твёрдо повторил он. – Не будет никакой свадьбы. Я не люблю Джанет и никогда на ней не женюсь.

– Что ты говоришь такое, Уильям? – в смятение спросила миссис Эмброн. – Мы уже два года...

– Вы хотели услышать ответ, вы его услышали. А теперь оставьте меня в покое. Сейчас я никого не хочу видеть. Вообще никого.

Поведение Уильяма было столь необычным, что никто и не подумал возражать. Все за исключением Аделины ушли.

Чета Эмброн проводило расстроенное семейство Коннорс до дверей их собственного дома и здесь поведало причину отказа Уильяма. По их мнению, на него слишком сильно подействовало сегодняшняя работа. Узнав о том, что Уильям обмерял ноги сразу сорока девушек, Джанет едва не упала в обморок. После короткого обмена мнениями, обе семьи решили на время отложить свои планы, чтобы дать время Уильяму прийти в себя.

В мастерской же стояла напряжённая тишина. Аделина смотрела на брата и не узнавала его. Он никогда не выглядел таким мрачным. Она никогда не видела, чтобы он закусывал губы до крови. Аделина по-настоящему испугалась.

– Что случилось, Уильям?

– Не знаю, не знаю, но мне невыносимо оставаться здесь...мне душно...я должен уйти...немедленно...иначе просто умру...

Уильям выбежал из мастерской. Аделина бросилась вслед за ним. Когда родители вернулись домой, они обнаружили лишь спящего Джонни. Аделина с Уильямом отсутствовали. Им пришлось дожидаться возвращения детей едва ли не до полуночи. Вернулась одна Аделина. Она выглядела донельзя расстроенной.

– А где Уильям? – в один голос спросили родители.

– Ушёл!

– Куда ушёл?

Аделина пожалала плечами.

– Не знаю, что с ним такое происходит. Прежде он избегал Бишопгейт, а уж о том, чтобы ночью там гулять и речи не могло быть.

– Он гуляет по Бишопгейт? – в один голос взволнованно вскричали родители.

- Целых два часа. Я пыталась вернуть его домой, но он ни разу мне не ответил. Ни разу. Он вообще ничего слышит. Только ходит с опущенной головой. А потом, потом он просто побежал...я не смогла за ним угнаться.

- Куда побежал? - в один голос закричали родители.

- В сторону Лондонского моста. Он, наверное, успел перебраться на другую сторону Темзы. Так что не стоит уходить из дома. Вы всё равно его не найдёте, - последние слова были предназначены отцу, который схватил куртку и собирался идти на поиски Уильяма, но так и сел на стул с ней в руках.

- Что же нам делать? - ломая руки, спросила миссис Эмброн.

- Не знаю. Но это уже не мой брат! Он изменился. Очень сильно изменился. Аделина ушла спать, а родители остались дожидаться Уильяма. Словно назло им, в окно забарабанил дождь.

- Он же весь вымокнет, - простонала миссис Эмброн.

- Ну и прекрасно, - хмуро отозвался супруг, - может, заболеет и придёт в себя.

- Не надо его было отправлять в этот колледж. Мой бедный мальчик...

Уильям действительно вымок. Как ни странно, он даже дождь не замечал. Он не отдавал себе отчёт в том, куда направляется. Ноги сами его несли вперёд.

Глава 15

Мельком

В то же самое время несколько девушек, забравшись на кровать Китти, оживлённо обсуждали визит мистера Уильяма Эмброна. Имя «Уильям» звучало чаще остальных и почти всегда сопровождалось томными вздохами. Виктория лежала в кровати, зарывшись с головой под одеяло и закусив губы, внимала каждому слову.

- Он глаз не сводил с Китти! - раздался чей-то голос. - Наверняка, Уильям влюбился в неё.

- Мне он тоже очень понравился! - неожиданно призналась Китти.

- И кто это говорит? - раздался весёлый голос. - Девушка, которая терпеть не может бедных парней. В особенности, если они живут в Ист-Энде.

- Откуда ты знаешь, что Уильям из Ист-Энда? - спросила у неё Китти.

- Миссис Лауп сказала. Они встретили мать и сестру Уильяма на рынке Спиталфилдс. Те продавали там обувь. У неё и адрес Уильяма есть. Сообщу по секрету всем желающим за шоколад.

- Я куплю тебе шоколад! - снова донёсся до Виктории голос Китти.

- О! О! - раздались оживлённые голоса, - Китти решила всерьёз взяться за башмачника.

- Кажется, я влюбилась в Уильяма! - призналась Китти, чем вызвала волну насмешек и кучу самых разных вопросов.

- Мне совсем не смешно, - закричала Китти, пытаясь перекрычать подруг. - Я влюбилась в Уильяма. Уильям тоже меня любит. Очень сильно любит. Вы разве не видели, что с ним творилось?! Он всё время менялся в лице, когда смотрел на меня.

Возникла полная тишина. А затем раздался донельзя удивлённый голос Бетти.

- Ты говоришь серьёзно, Китти?

- Я прямо сейчас готова стать женой Уильяма. Так и будет, клянусь. Мы поженимся. А если у кого остались сомнения, они отпадут, когда придёт Уильям. Я его попросила прийти, и он обязательно придёт. Очень скоро придёт. Виктория больше не могла выносить этот разговор. Она встала, надела платье, и вышла из комнаты. Радостный смех Китти преследовал её вплоть до того мгновения, пока она не отворила дверь, ведущую на задний двор. Снаружи лил дождь.

- Не приходи! Пожалуйста, не приходи, - прошептала дрожащими губами Виктория.

Виктория долго стояла, всматриваясь в темноту и прислушиваясь к барабанной дробь, которая раздавалась со всех сторон. Перед глазами стоял образ юноши из часовни. Жених, помолвка и даже семья ушли очень далеко. Существовал только он один. В эти мгновенья у неё ещё оставалась крошечная надежда на то, что Китти ошибается.

– Не приходи, – снова и снова, как заклинание, повторяла девушка.

Она вернулась в постель глубокой ночью и сразу заснула. Но ненадолго. Утром её разбудил радостный голос Китти.

– Я ведь вам говорила! Я вам говорила! – повторяла Китти раз за разом.

Виктория открыла глаза и увидела столпившихся возле окна подруг. Она сразу всё поняла. Уильям пришёл. Она едва нашла в себе силы подняться и подойти к окну. Взгляд выхватил Уильяма. Он стоял за ограждением, вцепившись двумя руками в прутья, и смотрел на Китти. Уильям весь вымок. С головы на лицо струйками стекала вода, но глаза...глаза сияли от счастья. Виктория вернулась в постель. Ей хотелось умереть, лишь бы только не слышать, как Китти повторяет:

– Уильям меня любит! Он меня любит!

Уильям вернулся под самое утро, совершенно мокрый и счастливый. Он с аппетитом съел обильный завтрак, приготовленный матерью, а затем не мешкая спустился в мастерскую и с пылом взялся за работу. Никакие уговоры относительно отдыха не возымели действие.

– Ты же всю ночь не спал, – сетовала миссис Эмброн, на что Уильям отвечал, что чувствует себя прекрасно. И он до самого вечера доказывал свою правоту. Уже к восьми вечерам детали всех сорока пар были вырезаны из кожи. Отец только и мог поражаться, наблюдая за работой сына. Нож в его руках с такой быстротой и ловкостью скользил по коже, что оставалось лишь удивляться, как ему удавалось избегать порезов.

– Через четыре дня все верха будут готовы! – заверил родителей Уильям. Вырезав последнюю часть, Уильям снял фартук и побежал переодеваться. Спустя минуту он уже спустился в куртке и неуклюже извинившись, сообщил, что вернётся только утром. Не дав родителям ответить, Уильям быстро исчез из виду.

– Девушки лёгкого поведения? – миссис Эмброн бросила на мужа вопросительный взгляд.

– У него же нет денег!

– Да они съесть его готовы, – рассердилась миссис Эмброн. – Всё время подзывают и предлагают свои мерзкие услуги бесплатно. Наверняка нашлась одна, которой наш мальчик не смог отказать.

– Точно, – согласился супруг, – завёл себе любовницу. Поэтому и бегает по ночам.

– Надо отвадить его от любовницы!

– Надо...но как? Он же молод. Никогда раньше не видел женщин. Может, лучше оставим его в покое? Пусть немного...хотя нет, – добавил мистер Эмброн заметив угрожающий взгляд супруги. – Нельзя позволять падшим женщинам использовать нашего мальчика.

– Вот именно! Я выясню, кто эта мерзавка и шкуру с неё спущу.

– Боюсь, дела куда хуже, чем вы себе представляете!

В мастерской появилась Аделина с яблоком в руке. Она с видимым удовольствием его откусила.

– На что ты намекаешь? – недоумённо спросила мать.

– Сами подумайте, – жуя яблоко, ответила Аделина, – он так спешил, что даже ужинать позабыл. Голод ему нипочём. А это первый признак влюблённости.

– Ты не по годам умная, – миссис Эмброн даже не пыталась скрыть раздражение.

– Слишком умная. Поэтому и говоришь всякие глупости.

– Матушка, я весь вечер была рядом с Уильямом. Его не интересовали женщины. Он на них никогда не смотрел. Или вы не знаете собственного сына? Уильям не такой. Он никогда бы не завёл отношения с женщиной ради удовольствия. Он на это просто не способен.

- Много ты знаешь, - с хмурым видом бросил отец.
- А как же Джанет? - хитро улыбаясь, спросила Аделина. - Уильям наотрез отказался на ней жениться. А ведь до того говорил, что она ему нравится. Последний довод дочери сразил родителей.
- Боже мой, Боже мой, - миссис Эмброн схватилась рукой за голову и простонала. - Мой сын влюбился в падшую женщину...
- И скоро приведёт её в наш дом, - поддала было жару Аделина, но заметив гневный взгляд отца, быстро испарилась.
Миссис Эмброн села на стул и продолжала стонать, одновременно проклиная всех падших женщин.
- Спаси моего сына из рук этой ведьмы! - потребовала она у мужа. Тот только руками развёл. Он понятия не имел, куда ушёл Уильям и как найти ту, которая отняла у него покой.

Виктория не пошла на занятия. Она отпросилась, и целый день пролежала в постели. А вечером, когда снова завели разговор об Уильяме и Китти, она ушла. Но прежде пожелала Китти счастья с Уильямом, чем настолько порадовала её, что заслужила родственного объятия.

Виктория вышла на задний двор и завернула за угол. Здесь имелась маленькая ниша, скрытая от любопытных взглядов. Она забралась туда, где часто плакала после ссор с Китти.

Несмотря на разгар весны, было довольно прохладно. Но это обстоятельство только порадовало Викторию. Может здесь она перестанет чувствовать боль, которая раздирала всё её тело. Сжавшись в комок, она медленно перебирала все свои счастливые дни, и каждый раз останавливалась на тех волшебных мгновениях в часовне. Именно они остались единственными прекрасными воспоминаниями в её жизни. Всё остальное поблекло и стёрлось из памяти. Снова полил дождь, но она даже не подумала от него укрыться. Чем хуже ей будет, тем лучше. Если ей повезёт, она заболеет и умрёт. Виктория не задумывалась ни над причинами своего состояния, ни над тем, откуда и почему появлялись эти мрачные мысли. В её жизни остался лишь один цвет - чёрный. Как эта ночь, которая окружала её со всех сторон.

Дождь лил не переставая. Её охватил озноб. Но она не хотела покидать своё убежище. Она сидела, обхватив себя руками, вплоть до самого рассвета. Всё вокруг постепенно становилось более отчётливым. Она поднялась и медленно побрела назад. Добравшись до лужайки, Виктория бросила тоскливый взгляд на то место, где прошлым утром стоял Уильям и...замерла. Он снова там стоял. Весь мокрый. И его лицо снова светилось от счастья. Виктория оглянулась по сторонам. Нигде, нигде не было видно Китти. Она снова посмотрела на Уильяма. И в этот миг раздался голос, полный невыразимой нежности:

- Виктория!

- Мисс Ратклифф! - откуда-то издали раздался голос миссис Лауп.

Губы Уильяма раскрылись в сияющей улыбке. Он бросился прочь и скоро исчез из виду.

Викторию сотрясала дрожь. В ушах так и звенел голос Уильяма «Виктория».

- Виктория?! - повторяла она в глубочайшем смятении.

Из двери показалась голова миссис Лауп. Она тотчас же заметила пропавшую воспитанницу.

- Ты же заболеешь! - взволнованно закричала миссис Лауп.

Она немедленно занялась Викторией. В следующие четверть часа она её раздела, тщательно вытерла всё тело, а потом сразу же передела в сухую одежду. Дрожь не прекращалась, поэтому миссис Лауп сочла необходимым вызвать врача, а заодно и известить родителей о болезни дочери.

К моменту приезда врача, у Виктории поднялась высокая температура. Она начала бредить. В сопровождении врача её отправили домой. Температура не спадала до глубокой ночи. Родители ушли спать крайне обеспокоенные состоянием дочери. Рядом с Викторией осталась только сестра. Она удобно

устроилась на диване, взяла книгу и собиралась приступить к чтению, когда до её слуха донёлся горяченный шёпот:

– Виктория...

Абигейл сначала удивлённо вытянула шею, а потом отложила книгу и, подобрав платье, присела на край кровати. Её рука легла на лоб сестры. От него даже на расстоянии исходил жар. И снова она произнесла своё имя. Она повторяла его снова и снова...до тех пор, пока не впала в забытие.

Глава 16

Сомнения

Виктория проснулась за полдень, бодрой и отдохнувшей. Она никогда так сладко не спала. Ей снился Уильям. Он всё время звал её по имени. Мысли о молодом башмачнике хлынули подобно дождю, едва она открыла глаза. Виктория раз за разом вспоминала те чудесные мгновения, и задавала себе один и тот же вопрос: кого эти два дня ждал Уильям? Где-то внутри неё раздавался правильный ответ, но она боялась ему верить. Да и как он мог в неё влюбиться, если ни разу прежде не видел? Но ведь он её узнал и даже назвал по имени. Как? Как? – спрашивала себя Виктория и не находила ответа. – Он не смотрел на неё даже когда обмерял ногу. Только имя записал. Как же мог её узнать? Вероятно, перепутал с Китти. Другого объяснения просто не существовало. Она приводила всё новые и новые доводы, но все они разбивались об одни и те же вопросы: А разве он тебя не узнал? Разве не тебя назвал по имени? Сомнения, сомнения и снова сомнения. Она отвергала собственный ответ и верила лишь тому, о чём говорили эти дни все её подруги.

Виктория совершенно не замечала присутствие своей семьи. Они же весьма пристально и с отчётливой тревогой следили за ней. Виктория всё время менялась в лице. То она становилась совершенно белого цвета, но уже через мгновение на её щеках вспыхивал яркий румянец. Но потом он исчезал и раздавался судорожный вздох. И так без конца.

Виктория неосознанно, но настойчиво искала ответ. Она не понимала, как он мог её узнать, и поэтому перебирала те краткие мгновения, когда они находились рядом. Он смотрел на неё, и она этого не заметила? Нет, нет, нет... Уильям смотрел на Китти. Всё время смотрел на Китти. Я ему не нужна. Последняя мысль вызвала в ней целую бурю возмущения. Она попыталась оправдаться, приводя разные доводы вроде: «Он мог меня перепутать с Китти», но возмущение лишь усиливалось.

– Невозможно! Невозможно! – неожиданно вскричала она, пугая родителей этой вспышкой, но потом замолчала и, повернувшись на бок, зарылась головой в одеяло.

– Может отвезти её в церковь? – обеспокоенно спросила леди Ратклифф.

Услышав слово «церковь», Виктория замерла. В голове молнией пронеслось одно слово «Часовня». Он мог видеть её в часовне. А если, если...с ним произошло то же, что и с ней? Это был ответ, который она искала.

Из-под одеяла донёлся радостный смех.

– Тебе смешно? – гневно осведомилась леди Ратклифф. – Мы тут места себе не находим, а она смеётся!

– Приведи себя в порядок. Скоро прибудет семья Бишоп, – попросил отец и вышел вслед за супругой.

Оставшись наедине с сестрой, Абигейл села на край кровати и стянула с неё одеяло. Её взгляду предстала смущённое лицо с сияющими глазами. Она потрогала лоб Виктории, но он был столь же прохладным, как и её рука.

– Что с тобой происходит? Не хочешь рассказать? – дотрагиваясь до её руки, мягко спросила сестра.

Ответом стал виноватый взгляд. Точно так же прозвучал голос Виктории.

– Ты не обидишься, если я не выйду замуж за Карла?

- Что? Что ты сказала?

- Я не хочу выходить замуж за Карла!

Абигейл растерялась. Её поразили не столько слова, хотя они и прозвучали странно, а само поведение сестры. Она никогда прежде не выражалась столь определённо и столь решительно.

- Почему? - только и спросила она.

- Он мне не нравится. Я не хочу выходить за него замуж, - повторила Виктория, чем совершенно расстроила сестру.

- Тебе нравится...Леман?

Ответом стал звонкий смех.

- Можешь оставить себе обоих братьев, - смеясь, ответила Виктория, поражая сестру всё больше и больше своим поведением.

- Ты изменилась! - с откровенным удивлением заметила она. На самом деле так и было. В Виктории после болезни появилась некая лёгкость и решительность, которые никогда прежде не были ей присущи.

- Поговори с родителями! - попросила Виктория.

- Даже не подумаю, - ответила, вставая Абигейл. - Разразится страшный скандал. Батюшка ни за что не позволит тебе отказаться от брака. Он дал слово и как любой порядочный джентльмен просто обязан его сдержать. Да и ты дала своё согласие на брак с Карлом. Он...

- Я ошибалась, - поспешно перебила её Виктория.

- Лучше не повторяй этих слов при родителях, - посоветовала перед уходом Абигейл. - Пользы не будет никакой, а вот неприятности сразу появятся.

Проводив взглядом сестру, Виктория вскочила с постели, и начала быстро одеваться. Причиной такой поспешности явился вовсе не предстоящий визит семьи Бишоп. Нет. Она желала сегодня же вернуться назад, в колледж. Если Уильям снова придёт, она встретит его...чтобы узнать правду.

Во время встречи с семейством Бишоп, Виктория только и думала о возможной встрече с Уильямом, и потому все её ответы звучали невыразительно, а порой даже глупо. Она соглашалась со всем, даже не вникая в то, о чём ей говорили. Родителям и сестре всё время приходилось извиняться за неё и ссылаться на последствия болезни.

- Она даже меня разочаровала, - признался Леман после того, как они покинули дом. - Бог сполна наградил её красотой, но напрочь лишил ума.

- Я же говорю: безвольная, тупая кукла, - отозвался Карл.

После ухода семьи Бишоп, Виктории пришлось выслушать массу упреков от родителей, а позже и от сестры, когда они остались наедине. Абигейл пребывала в гневе и раз за разом обрушивалась на неё с упреками. Ей лучше других были известны качества сестры, поэтому она никак не могла взять в толк, почему та создаёт о себе столь дурное впечатление. Свои наставления она закончила категорическим предостережением:

- Я тебя никогда не прощу, если ты вздумаешь разочаровать Карла! Виктория кивнула головой, поскольку не слышала ни единого слова из того, что сказала сестра.

Уже ближе к вечеру отец отвёз её обратно в колледж. Виктория не стала отвечать на вопросы подруг. Она сразу отправилась в спальную комнату и легла. Когда пришли все остальные девушки, она сделала вид, будто спит. Беседа вновь зашла об Уильяме. То и дело мелькали отдельные слова, из которых становилось ясно, что вопреки ожиданиям Китти, он не явился прошлой ночью.

«Она не знает, она не знает, значит, Уильям приходил не к ней!» - с ликованием в душе повторяла Виктория.

Глава 17

Влюблённые

Виктория дождалась, пока все крепко уснут, и лишь потом оделась и выскользнула из комнаты. Следовало дожидаться рассвета, но у неё не хватило терпения. Она решила ждать прихода Уильяма в своём укромном месте. Едва выйдя на задний двор, Виктория остановилась. Её повсюду окружала чернота. Она ничего не видела, но чувствовала, чувствовала, что Уильям стоит на том же месте. Ноги сами понесли её к ограде. Шаг за шагом перед ней появлялся расплывчатый силуэт. Приблизившись к ограде, Виктория прерывающимся от волнения голосом, спросила:

- Ты пришёл к...Китти?

- Я не знаю, кто такая Китти! - раздался с другой стороны нежный шёпот.

- Не...знаешь?

- Нет!

- А как ты узнал моё имя?

- Я увидел тебя в часовне,...ты смотрела на меня и плакала. Потом пришли все девушки, кроме одной. Тебя среди них не было. Ты пришла потом, последней...и сама назвала своё имя.

- Уильям, ты...ждал меня?

- Я тебя всё время хочу видеть...всё время ищу...я знал, что и ты меня ждёшь...я понял это в часовне...и эти два дня ждал, когда ты придёшь...

Виктория прижалась лицом к ограде и протянула вперёд руки. Они тотчас же встретились с руками Уильяма. Их пальцы переплелись. Они были столь счастливы, что не услышали явственный шорох. Маленькая тень метнулась к буку и там затаилась. Это была Китти. Ей показалось странным, что кухня вышла среди ночи во двор. Она последовала за ней следом и услышала голоса. Она узнала голос кухни и второй голос, который принадлежал... Уильяму. И этот голос снова донёсся до Китти.

- Почему ты не приходила?

- Мне очень хотелось прийти. Очень...вчера ночью, я тоже была здесь. Всю ночь была здесь. Я думала, что ты ждёшь Китти. Но потом, когда ты назвал меня по имени...

- Я ждал только тебя. Всё время, только тебя. И всегда буду ждать, каждую ночь...даже если ты не сможешь прийти...буду ждать...

- Я приду, Уильям, обязательно приду...

Китти осторожно выглянула из-за своего укрытия. Глаза достаточно привыкли к темноте, чтобы увидеть то, отчего она мгновенно пришла в ярость. Это был поцелуй. Самый настоящий поцелуй. Их головы были прижаты к прутьям и слегка покачивались из стороны в сторону.

Китти бесшумно попятилась на корточках назад, потом поднялась и завернула за угол, чтобы обойти здание колледжа. Она не хотела, чтобы Уильям с Викторией её увидели. В душе у неё клокотала ярость. Виктория всегда её унижала.

Всегда. Но сейчас она не позволит этой тихоне одержать вверх. Она не отдаст ей Уильяма. Они никогда больше не должны встретиться. Никогда! Китти вернулась в спальную комнату и стала с нетерпением дожидаться утра. Не раз за эти часы, она подкрадывалась к окну и осторожно выглядывала наружу. Два силуэта так и оставались неподвижными возле ограды. Уже перед самым рассветом, когда небо окрасилось в фиолетовый цвет, она воочию увидела поцелуй, который предположила ночью. Никаких сомнений не оставалось. Уж если эта тихоня отважилась на поцелуй, значит, она действительно была влюблена в Уильяма. Оставалось решить, как именно избавиться от нежелательной соперницы. Решение не заставило себя долго ждать.

В то время, когда Виктория и Уильям расставались, договариваясь встретиться на следующую ночь, Китти уже ехала домой к тётушке.

Глава 18

Трещина

– Китти?! Что случилось? Почему ты здесь так рано? – леди Ратклифф затачивая на ходу пояс ночного халата, спускалась по лестнице. Внизу, в холле её ждала Китти. Следом на лестнице появилась и Абигейл. Она тоже была облачена в ночной халат и удивлена ранним визитом кухни не меньше матери.

Китти дождалась, пока тётушка и кухня подойдут к ней, поцелуют и только потом заговорила. Заговорила с отчётливым гневом:

– А что ещё остаётся делать? Вы не уделяете должное внимание поведению Виктории, поэтому мне приходится этим заниматься.

– Поведение Виктории куда достойнее, нежели твоё, – раздражённо бросила леди Ратклифф.

– Боюсь, вы ошибаетесь, тётушка, – язвительно ответила Китти. – Мне далеко до кухни. Я позволяю себе лишь мелкие шалости, она же по ночам встречается с мужчинами.

– Невозможно! – одновременно вскричали леди Ратклифф и Абигейл. – Только не Виктория.

– Эту ночь она провела на улице с мужчиной. Я видела это собственными глазами. И своими глазами видела, как они целовались.

– Ты знаешь его? – спросила Абигейл.

Китти кивнула.

– Нищий башмачник из Ист-Энда!

– Господи! – пролепетала еле живая леди Ратклифф. – Если отец узнает, он её просто убьёт.

– Ты уверена, Китти? – всматриваясь в её лицо, спросила Абигейл.

– Уверена, – лаконично ответила Китти. – Они снова встретятся, и тогда дело не закончится одними поцелуями. Немедленно заберите Викторию из колледжа, иначе она опозорит и вас, и меня.

Китти, не прощаясь, ушла, оставив леди Ратклифф в полуобморочном состоянии.

– Ничего не рассказывай отцу, – попросила она Абигейл. – Мы сами всё выясним. Прямо сейчас поедem и узнаем, насколько соответствуют действительности слова Китти.

– Я ей не верю, – Абигейл отрицательно покачала головой. – Виктория не могла встречаться, да ещё и целоваться с мужчиной. Это просто невозможно. Кто угодно, только не она.

– Если Китти солгала, я немедленно переведу её в другой колледж, и мы просто забудем эту историю.

Спустя два часа, леди Ратклифф с Абигейл уже ехали в колледж. Отец семейства в это время всё ещё спал.

Виктория витала где-то далеко. Начало занятий она просидела с мечтательным видом, вспоминая каждое из чудесных мгновений, которые она провела рядом с Уильямом. Ими не было сказано ни единого слова о любви. Да они и не нуждались в словах. С той самой встречи в часовне...

– Мисс Ратклифф! Вас хочет видеть мистер Фаунторп!

Виктория не сразу сообразила, что слова преподавательницы адресованы ей. Той пришлось повторить трижды, прежде чем до Виктории дошёл смысл обращения.

Сопровождаемая лёгким хихиканьем и насмешливыми взглядами, она вышла из класса и направилась в кабинет к директору.

К удивлению Виктории, директора на месте не оказалось. Вместе него она узрела рассерженные лица матери и сестры.

– Это правда? – спросила леди Ратклифф, как только Виктория вошла в кабинет и прикрыла за собой дверь.

– Что, правда? – не поняла Виктория.

– К нам приезжала Китти и рассказала просто ужасные вещи. Она говорит, что ты ночью встречалась с нищим башмачником из Ист-Энда и даже целовалась с ним. Мы ей, конечно же, не поверили, но всё же решили спросить тебя.

Виктория побледнела, но присутствие духа не потеряла. Более того, она подняла на матушку открытый взгляд. Увидев его, леди Ратклифф облегчённо вздохнула.

– Я так и знала. Китти солгала...

- Она сказала правду!

- Виктория! - в один голос с ужасом прошептали мать и сестра.

- Да. Китти сказала правду, - ещё более твёрдо повторила Виктория. - Я встречалась, но не с нищим башмачником, а с самым прекрасным человеком на свете. И да, я сама, первая его поцеловала.

- Немедленно собирай свои вещи! - вне себя от гнева закричала леди Ратклифф.

- Ты едешь домой!

- Матушка, - бледнея, Виктория начала отступать назад. - Я не могу...только не сегодня...завтра...

- Ты прямо сейчас поедешь домой и никогда больше не вернёшься в этот колледж. Никогда! Немедленно собирайся, Виктория. Немедленно. Или я буду вынуждена сообщить обо всём твоему отцу.

- Хорошо...- Виктория вышла из кабинета и напрямик направилась в класс.

- Проходите на своё место, мисс Ратклифф, - попросила преподавательница. Как только Виктория вошла в класс. Её снова встретили насмешками. И более всех остальных изощрялась Китти.

- Покидаете нас, мисс Ратклифф? Почему? Неужели не смогли послушаться матушку? Или у вас имеются иные причины для бегства? Мы будем без вас скучать...

Все ожидали, что Виктория по привычке отмолчится, но на сей раз стало происходить нечто непостижимое. Виктория подошла к Китти, и, размахнувшись, дала ей пощёчину.

- Из-за тебя я должна навсегда покинуть этот колледж. То, что ты сделала, мерзко. Но я тебе благодарна. И могу всем рассказать то, что ты рассказала моей матушке. Уильям ждал меня, а не тебя. Он всё время ждал только меня. Да, я встречалась ночью с Уильямом. Да, я целовалась с ним...- в классе раздался единый изумлённый вздох. - И сейчас я клянусь тебе и всем остальным, что только Уильям станет моим супругом.

Виктория ушла, оставив Китти в ярости.

- Виктория Ратклифф?! - в полной тишине раздался изумлённый голос преподавательницы. - Вот уж от кого не ожидала услышать подобные слова. Виктория быстро собрала свои немногочисленные пожитки и, прихватив их с собой, вернулась в кабинет директора. Он уже находился там и разговаривал с леди Ратклифф.

- Мне необходимо попрощаться с мистером Фаунторп. Оставьте нас наедине, - попросила Виктория.

- Ждём тебя снаружи. Не задерживайся! - ответила леди Ратклифф, после чего они с Абигейл вышли. Как только за ними закрылась дверь, Виктория обратила умоляющий взгляд на директора.

- Вы же хороший, добрый человек. Прошу вас, прошу...дайте мне адрес Уильяма. Он ведь у вас есть.

На лице директора отразилось удивление. Он начал обо всё догадываться.

- Уильям Эмброн - причина прекращения вашей учёбы?

- Да. Он не знает, где меня искать, а я не знаю, как найти его. Пожалуйста, прошу вас...вы единственный, кто может нам помочь.

Помедлив всего лишь одно короткое мгновение, мистер Фаунторп достал листок бумаги из ящика стола и протянул его Виктории со словами:

- Уильяма очень легко найти. Достаточно нанять кэб и сказать: «Артиллерийский переулок. Обувная мастерская Эмброна».

- Благодарю вас! Всей душой благодарю! - Виктория взяла листок, затем поклонилась своему директору и ушла. Он же смотрел на дверь, через которую она вышла и печально улыбался.

- Надеюсь, хотя бы твоя любовь будет счастливой. Я уже давно потерял всякую надежду!

Он встал у окна и с грустью смотрел на то, как Абигейл садилась в карету. Она ничего не замечала, ничего. Вероятно потому, что он не выделялся среди других мужчин и всегда вёл скромную жизнь учителя. Да и стать частью семейства Ратклифф представлялось делом невозможным. Но разве чувства

взвешивают «за» и «против»? Они просто приходят, невзирая на обстоятельства и разницу в положении.

Глава 19

Раскол

Дома, между Абигейл и Викторией завязался ожесточённый спор. Леди Ратклифф вместе с мужем в это самое время встречали семью Бишоп.

– Неужели ты не понимаешь всю пагубность своего поведения? Что о тебе подумает Карл? А Леман и миссис Бишоп? – гневно вопрошала Абигейл.

– Это твои будущие родственники, вот тебя пусть и заботят эти вопросы, – спокойно отвечала Виктория.

– Тебе совсем не стыдно, Виктория?

– Нет!

– Нет?

– Я уже ответила, но ты можешь снова меня спросить. Правда, ответ не изменится.

– Как ты со мной разговариваешь? – вскричала Абигейл. – Я требую уважения.

– Я тоже требую уважения. Не надо мне постоянно твердить о достойном поведении и всячески подталкивать к мысли о неких безнравственных поступках. В моих отношениях с Уильямом нет ничего постыдного.

– Не смей! Не смей оправдывать себя, Виктория!

– Я не собираюсь оправдываться. Я лишь ставлю тебя в известность, что не стану женой твоего любимого Карла.

– Ты не посмеешь отказаться!

– Посмею. Можешь не сомневаться. Моим супругом может стать только Уильям, и никто другой.

– Может, ты прямо сейчас объявишь о своём решении? – издевательски поинтересовалась Абигейл. – Сейчас в столовой находится и вся семья Бишоп, и...батюшка, – последнее слово она произнесла с особым выражением, которое с точностью обозначали последствия, в случае если Виктория станет упорствовать.

В комнате появилась леди Ратклифф. Она сообщила, что девушек ждут к обеду.

– Ни единого слова при вашем отце и наших гостях, – со всей серьёзностью предостерегла она.

Леди Ратклифф вместе с Абигейл ушли. Виктория подошла к зеркалу. Отражение показывало спокойное, но решительное лицо. Она распустила волосы и направилась в столовую.

Когда Виктория спустилась к обеду, за столом уже расположилась семья Бишоп. Она поздоровалась со всеми, села за стол и с аппетитом принялась за еду, чем немало удивила гостей. Они не замечали за ней подобного.

– Чувствуется, что вы уже выздоравливаете, – наблюдая за ней, обронила Анна Бишоп. Её сын Карл сразу же выразил беспокойство по поводу прошедшей болезни.

– Благодарю вас, но я совсем не болела. Всего лишь лёгкий насморк, – ответила Виктория.

Карла явно озадачил этот ответ. Равно как и Лемана. Прежде Виктория никогда не высказывалась столь определённо.

– Ешь помедленней, – попросила леди Ратклифф, сопровождая свои слова выразительным взглядом, цель которого состояла в том, чтобы объяснить дочери неуместность такого поведения.

– Простите матушка, но мне просто необходимо подкрепить силы. Они мне скоро понадобятся, все целиком.

– Сегодня вы вместе с Абигейл в сопровождении будущих супругов, отправляетесь в театр, – торжественно объявил Ратклифф ожидая получить слова

благодарности, но ответ оказался столь неожиданным, что он на время даже дар речи потерял.

– Пусть едут без меня!

За столом мгновенно воцарилась тишина.

– Что ты сказала? – Ратклифф не верил, что слышит подобные слова от дочери.

– Я не поеду в театр. Там нет ничего интересного для меня. Лучше уж заняться чтением книг. А вот вам я бы рекомендовала посетить театр, так же как и вашему брату, – Виктория очаровательно улыбнулась Карлу, – судя по вашим рассказам, вам всю жизнь пришлось провести на ранчо. Вероятно, вам ничего за исключением лошадей видеть не доводилось?! Посетите Лондонские театры...для разнообразия.

Виктория разрезала варёное яйцо ровно пополам, и в полной тишине отправила обе половинке себе в рот, одну за другой.

– Мы бывали и прежде в театрах! – Карл смутился, поскольку совсем не ожидал такой прыти от Виктории.

– Неужели? И какие же пьесы вас привлекают?

– Шекспира!

– Простите за неуместный вопрос. Я бы и сама могла догадаться о ваших предпочтениях.

Карл побатровел от гнева. Виктория совершенно ясно намекнула ему на ограниченность ума.

– Вальтера Скотта, – высокомерно бросил он в лицо Виктории.

– Вероятно, вы хотели сказать «сэра Вальтера Скотта»?! – живо подхватила Виктория. – Простите, но у нас в Англии принято употреблять частичку имени «сэр» в тех случаях, когда она уместна. Но я вас перебила. Вы упомянули о сэре Вальтере Скотте. Какие именно произведения вы имели в виду?

Виктория старательно делала вид, будто не замечает гневных взглядов, которые бросают на неё родители, сестра и даже Анна Бишоп с Леманом. Поскольку Карл сохранял достойное молчание, она сама пришла ему на помощь.

– Верно, вы имели в виду «Аббата»? Нет? – не дождавшись ответа, спросила Виктория. – Странно. Весьма достойная постановка. А что вы скажете насчёт «Невесты Ламмермур»? Весьма поучительная история, в которой рассказывается о печальной любви...

– Виктория! – одёрнула её леди Ратклифф. – Твоему будущему жениху не обязательно знать все эти тонкости.

– Обязательно, матушка! – Виктория и ей улыбнулась. – О чём мы ещё будем говорить, как не о театре? И как вообще можно выйти замуж за человека, который ни разу не читал столь возвышенное произведение как «Невеста Ламмермур»?! Полагаю, я поспешила, согласившись на брак. Но сейчас мне бы хотелось исправить ошибку. Надеюсь, мои извинения будут приняты вместе с моим отказом мистеру Бишопу. Он вполне может подыскать себе другую невесту, а я остановлю свой выбор на человеке, который лучше знаком с творчеством сэра Вальтера Скотта.

– Это просто оскорбительно!

Карл резко поднялся с места и, не прощаясь ушёл. Леман тоже собирался подняться, но уловив умоляющий взгляд Абигейл, не сделал этого. Ратклифф едва сдерживался, чтобы не накричать на Викторию в присутствии своих гостей. Леди Ратклифф молчала. А Абигейл смотрела на сестру едва ли ни с ненавистью. Она поняла, зачем та устроила весь этот балаган. Ей просто хотелось отвести Карла.

– Мисс Ратклифф! Виктория, – голос Анна Бишоп прозвучал мягко, хотя и чувствовалось, что она рассержена, – для чего вы устроили это представление? Если вы не хотели выходить замуж, сказали бы сразу. Мы бы приняли ваше решение со всем уважением.

– Надеюсь, вы и сейчас так поступите, – спокойно ответила Виктория, – что ж до моего согласия... это всего лишь досадная ошибка, которую я только что исправила.

Ратклифф медленно встал с места и направился к Виктории. Она встала. Он размахнулся и дал ей пощёчину. Виктория отступила назад, но не ушла и не заплакала.

- Ты принимаешь решения в моём присутствии, не спрашивая ни моего мнения, ни моего позволения. Не знаю, откуда в тебе такая смелость, но она ничего не изменит. Я лично принесу извинения всей семье Бишоп. Если они примут извинения, ты немедленно выйдешь замуж за Карла. Через три дня мы справим помолвку. Ещё через месяц свадьбу.

- Не стоит беспокоиться насчёт Карла, - подала голос Анна Бишоп, - он с пониманием отнесётся к сегодняшним, весьма неприятным событиям. Мы так же готовы всё забыть и принять Викторию, как самую дорогую дочь. Через три дня в полдень мы могли бы справить сразу две помолвки. А ещё через месяц две свадьбы.

- Ты слышала? - гневно спросил Ратклифф. - Иди и готовься к помолвке с Карлом. Только посмей послушаться, - с угрозой добавил он, заметив, что Виктория собирается возразить.

- Хорошо! Пусть ваше желание исполнится, батюшка. Через три дня в полдень я буду готова!

Виктория ушла, оставив родителей улаживать скандал вместо себя. Абигейл так же попросила прощения за сестру у Анны Бишоп и Лемана. Они же успокоили их. - Не стоит придавать большого значения ребяческой выходке, - снисходительно заметила Анна Бишоп.

Позже, дома, Карл и Леман в присутствии матери, продолжали обсуждать поведение Виктории.

- Кто мог знать, что под личиной этой дохлой клячи окажется дикая лошадь, - с угрюмым видом говорил Карл.

- Да уж, - Леман поскрёб затылок, - мы с тобой жестоко ошибались на её счёт. Тем лучше, тем лучше. У нас появится возможность преследовать добычу и только потом зажарить.

- Я её ненавижу! - признался Карл. - Я даже не знаю, что с ней сделаю после свадьбы. Но она мне заплатит за сегодняшнее унижение. Сполна.

- Она согласилась, но мне показалось, что Виктория осталась при своём мнении, - с хмурым видом сказала Анна Бишоп.

И она, несомненно, была права в своих предположениях. Виктория не смирилась с решением отца. Вернувшись в свою комнату, она заперлась, достала письменные принадлежности и села за стол.

«Уильям! - писала Виктория. - Отец настаивает на моём браке. Через три дня в полдень состоится моя помолвка. Приходи за мной. Твоя навсегда, Виктория Ратклифф!».

Она написала снизу адрес дома, потом сложила письмо и вложила его в конверт, на котором написала: «Артиллерийский переулок. Обувная мастерская Эмброн. Уильяму Эмброну лично в руки». Закончив с письмом, она достала из ящика шкатулку и вытряхнула её содержимое на стол, потом собрала в одну кучу все монеты и начала скрупулёзно пересчитывать одну за другой. Долго считать не пришлось. Её состояние исчислялось кругленькой суммой в четыре шиллинга и три пенса. Этого должно было хватить. Она пересыпала монеты в правую ладонь, зажала её в кулак, а левой рукой схватила письмо и вышла из комнаты.

Постоянно оглядываясь по сторонам и избегая встречи с любым из членов семейства, она выскользнула на улицу и остановила первый попавшийся кэб.

- Надо отвезти письмо по этому адресу! - Викторию протянула письмо.

- Это в Ист-Энде. Далековато будет, леди, - сразу же раздался недовольный ответ.

- У меня есть четыре шиллинга и три пенса.

- Договорились!

- Это очень важное письмо, - сочла нужным добавить Виктория, пересыпая монеты в подставленную ладонь.

- Не беспокойтесь, леди. Письмо будет доставлено точно по адресу.

Проводив взглядом удаляющийся кэб, Виктория поспешила в обратный путь. Но не стала заходить в свою комнату, а сразу направилась к Абигейл. Она застала её беседующей с матерью. Заприметив Викторию, обе насупились.

– Я бы хотела купить новое платье к помолвке. Желательно белого цвета. Мне бы хотелось выглядеть на помолвке, как настоящая невеста, – добавила она, заметив два удивлённых взглядов.

Виктория прекрасно понимала, какие тяжёлые последствия будет иметь её поступок. Ни отец, ни матушка, ни сестра, никогда бы не простили её. Но иного выхода не оставалось. Её поставили перед выбором: Уильям или семья. И она сделала выбор. Сделала, не задумываясь. Виктория знала, что Уильям придёт. Он мог не прийти только в одном случае – если не получит письмо. Что ж, тогда она одна всё скажет, а потом уйдёт к Уильяму.